

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [М. В. Сабина](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [ГЛАВА I](#)
 - [ГЛАВА II](#)
 - [ГЛАВА III](#)
 - [ГЛАВА IV](#)
 - [ГЛАВА V](#)
 - [ИСТОЧНИКИ](#)

М. В. Сабинаина

**Дэвид Юм. Его жизнь и философская
деятельность**

ВВЕДЕНИЕ

Во всей истории борьбы различных философских школ между собой, быть может, наиболее ярко и резко выражались несогласия и различия взглядов у последователей школ догматических и скептических. В самом деле, трудно вообразить себе более несходные учения. Если в этом случае, с одной стороны, представителями философии являются люди, исходящие из какого-либо положения (догмы), признаваемого несомненно истинным, непреложным; если, допустив это положение, они затем прямо строят на нем свои теории, подчас весьма красивые и увлекательные, как, например, теории эпикурейцев и стоиков, то, с другой стороны, мы имеем дело с философами, начинающими свои рассуждения сомнением (*скепсисом*) по отношению к предшествовавшим им догматическим школам. Самыми древними представителями скептиков считаются те философы поаристотелева периода, которые в III веке до Р. Х. основали школы, названные *академическими*, и которые восстали против догматических стоиков и эпикурейцев.

Как бы возрождением этой древней борьбы в сравнительно близкое к нам время,— но, прибавим, в гораздо более оригинальной, блестящей и утонченной форме,— является философская деятельность англичанина Дэвида Юма, жившего в XVIII веке. Большинство его сочинений, замечательных и по содержанию, и по изяществу литературного стиля, проникнуто одним желанием: выявить все заблуждения, все предрассудки, ошибки и пристрастия тех мыслителей, которые и задолго до него, и непосредственно перед ним были руководителями умственного развития в современном им обществе. Оружием для этой борьбы Юм выбрал древний скепсис, обострив его удивительной способностью тонкой критики и умением с замечательной последовательностью развивать свои мысли, не отступая перед слишком смелыми, порой отчаянными заключениями, к которым приводила его предпринятая работа.

Интересной кажется нам следующая характерная черта, резко отличающая древних скептиков от Юма. Древние скептики, сказали мы, были противниками эпикурейцев и стоиков; надо заметить, что обе эти догматические школы преследовали в своих исканиях чисто эгоистическую цель: доставление счастья единичному человеку; причем одни (эпикурейцы) видели это счастье в пользовании всевозможными удовольствиями, наслаждениями, так как в этом-то, по их мнению, и состоит высшее благо, указанное нам природою; другие же (стоики)

требовали от человека вполне бесстрастного, апатичного отношения ко всему внешнему, для того чтобы он тем успешнее мог углубиться в самого себя и при помощи своей добродетели найти верное понимание добра и зла; укрепленная же воля поможет ему окончательно побороть все зло в виде неразумных природных влечений, желаний, страстей и так далее и стать вполне счастливым. Обе эти теории исходили из того положения, что сущность добра, наслаждения или, наоборот, зла, страдания есть нечто доступное человеческому уму. Против этих учений скептики возразили, что всего человеческого познания недостаточно, чтобы определить сущность добра и зла, чтобы узнать абсолютную истину. Поэтому неутолимое стремление познать сущность вещей не может дать счастья человеку; напротив, оно тревожит его, волнует, приводит в состояние вечного беспокойства. Истинное же счастье доступно лишь тому человеку, который, отказавшись от знания абсолютной истины, смотрит на все внешнее с полным равнодушием, с душевным спокойствием, не нарушаемым никакими желаниями.

Счастье, возможность счастья, цена, которую выгодно заплатить за достижение его, – таковы основы и побудительные мотивы философствования древних догматиков, равно как и скептиков... Как далек новый скептик Юм от этого эгоизма, этой корысти своих древних предшественников! Рассеять тьму заблуждений и предрассудков, расчистить путь правде и насладиться ее светом, хотя бы то был такой ослепительный свет, от которого сильно пострадают непривычные глаза, – вот все, чего добивался знаменитый скептик XVIII века. При дальнейшем изложении философии Юма мы увидим, что опустошительные результаты смелой критики действительно привели его к глубокому отчаянию; но прямой и стойкий ум философа и его сильный характер не допускали ни компромиссов, ни недомолвок. Юм геройски выдержал и презрительное негодование современников, и собственные душевные терзания, и потерю веры в смысл своего существования, – словом, вынес все, чего боялись древние скептики. Это-то и составляет интереснейшую черту в учении и характере Юма, этого замечательного и смелого аналитика.

ГЛАВА I

Родители и семейная обстановка Юма. – Его школьные занятия и юношеские склонности. – Первые шаги на практическом поприще

Род Юмов происходит от известной шотландской фамилии графов Юмов, и уже во время Иакова I и Иакова II Стюартов представители его отличались в войнах с Францией. Отец Дэвида Юма, Иосиф Юм, был небогатый шотландский помещик, владевший небольшой фермой, расположенной в Бервикширском графстве. Это родовое поместье Юмов носило название Ninewells (девять ключей) благодаря довольно значительному источнику, орошавшему покатым луг перед домом и впадавшему в ближайшую реку Уайтаддер. Мать Юма, дочь президента Юрической коллегии, сэра Фольконера, характеризуется и своими детьми, и знавшими ее современниками как женщина замечательная и лучшая из матерей.

26 апреля 1711 года у Иосифа Юма и жены его, гостивших в Эдинбурге, родился третий ребенок, Дэвид. Вскоре затем отец семейства скончался, оставив на руках своей жены двух малолетних сыновей и дочь.

В автобиографии Дэвид Юм рассказывает о своих родных следующее: “Моя семья была небогата, а так как я был меньшим братом, то моя доля в отцовском наследстве была, разумеется, очень незначительна. Отец мой, имевший репутацию талантливого человека, умер во время моего детства, оставив меня, старшего брата и сестру на попечение матери, женщины, обладавшей замечательными достоинствами, – будучи еще молодой и красивой, она вполне посвятила себя уходу за своими детьми и воспитанию их”.

Талантливый биограф Д. Юма, Бертон, говорит, что, судя по портрету, наружность госпожи Юм была очень приятна и обнаруживала большую тонкость ума. Проницательная и очень добрая, домовитая и практичная во всех своих поступках, женщина эта передала младшему сыну главные черты своей нравственной личности, и некоторые биографы (например, Гексли), быть может, не без основания предполагают, что Дэвид Юм унаследовал от своей матери те качества, которыми главным образом обуславливались его успехи на поприще философской деятельности. Интересно, что в данном случае наследственность проявилась и в физической организации, одинаковой у матери и у сына: оба умерли от одной и той же болезни. Таким образом, в лице Д. Юма мы имеем еще одним примером больше для

сторонников той теории, что сын наследует от матери ее способности и что у многих замечательных и талантливых деятелей отцы были самыми обыкновенными, посредственными людьми, а матери отличались замечательными умственными дарованиями и выделялись из среды современных им женщин.

Интересен сохранившийся рассказ о том, как охарактеризовала госпожа Юм своего меньшего сына в дни его юношества: “У нашего Дэви,— сказала она,— превосходный характер, но он удивительно слаб умом”. Первая часть этого суждения блестяще оправдалась во всей последующей жизни “Дэви”, но откуда вывела пронизательная мать-воспитательница свое второе заключение? — вот вопрос, интересный и загадочный... Не говоря о том, что Дэвид Юм в своей ученой деятельности обнаружил способности настоящего умственного атлета, мы должны признать за ним большой дар практической мудрости и замечательную выдержку в исполнении принятых им решений. По всей вероятности, проявлением “слабоумия” в своем сыне г-жа Юм считала то, что он выбрал себе ненадежную и невыгодную карьеру научного деятеля. Может быть также, что резкое суждение матери в данном случае было вызвано рано обнаружившеюся склонностью Юма никогда не увлекаться ни в какую сторону: во всех своих мнениях и поступках он проявлял обыкновенно ту сдержанную умеренность, которая хотя и зовется “золотой” серединой, но, тем не менее, вызывает невысокую оценку как способностей, так и стремлений подобного “посредственного деятеля”.

О первоначальном воспитании и образовании Юма до нас дошли очень скудные сведения: известно, что двенадцатилетним мальчиком он был отдан в греческий класс Эдинбургского университета, где и оставался около трех лет, то есть до окончания курса, который в то время был ограничен тремя или четырьмя зимними семестрами по шесть месяцев каждый. Вероятно, именно к этому школьному периоду жизни Юма относятся следующие слова его: “С успехом прошел я обычный курс учения и очень рано почувствовал влечение к наукам, которое было главнейшею страстью моей жизни и высшим источником моих удовольствий”.

Следующие шесть-семь лет своей жизни Юм употребил как бы на подготовку к той работе, которая должна была затем сосредоточить на себе все его способности, выразить все его взгляды и убеждения и сделаться его первым видным шагом на пути общественной деятельности. Станным может показаться такое раннее, как бы преждевременное развитие ума будущего философа, а между тем так было на самом деле:

шестнадцатилетний юноша в своих письмах высказывает те мысли, которые служат прямыми намеками на суть его будущих замечательных теорий; в своих занятиях неопытный школьник сразу берется за то, что впоследствии становится основанием для дальнейших его исследований и кладет заметный отпечаток и на внешнюю, и на внутреннюю стороны его сочинений. Удивительная определенность стремлений и устойчивость намеченного образа действий отличали Юма с первых лет его сознательной жизни и были, конечно, главной причиной того, что вся личность его глазам биографов представлялась сильным характером, стойкой натурой.

Период от шестнадцати до двадцати двух лет в жизни каждого человека сопровождается формированием его духовной личности. Правда, интеллектуальная жизнь свойственна в известной степени каждому возрасту, начиная с младенческого; но правда также и то, что лишь в эпоху юности, то есть именно с пятнадцати-шестнадцати лет, эта умственная жизнь начинает выбиваться из-под оков чужих понятий и убеждений, внушаемых как воспитателями, так и другими близкими людьми; лишь в эту пору юноша начинает и рассуждать “по-своему”, и увлекаться “своими” интересами, и критиковать то, что раньше принимал на веру в окружающем мире.

Посмотрим же, чем ознаменовался в жизни Юма важный период юношества. Предоставленный самому себе по окончании университетского курса, он сосредоточенно и уединенно прожил шесть лет, проводя зимы в Эдинбурге, а летние месяцы в своем поместье. Любопытный ум и жажда ученья, лишь возбужденная, но не удовлетворенная прохождением университетского курса, сразу определили род занятий Юма: он принялся за чтение, остановив свой выбор на древних классиках и на тех представителях философии и поэзии, которые нашлись в небольшой семейной библиотеке Юмов. Есть полное основание заключить, что главным источником мудрости для Юма послужили в эту пору сочинения римских стоиков. Быстро усвоил себе Юм суть их систем и те философские вопросы о нравственности и о познании, которые ставились и решались в их произведениях. Эти занятия не прошли бесследно для будущей деятельности Юма: если его философию и можно считать развившейся из учения Локка, все же несомненно, что в первоначальном своем фазисе философские взгляды Юма возникали и развивались главным образом благодаря изучению греческих и римских писателей. Влияние Цицерона, Сенеки и Плутарха сильно проявляется и в постановке различных философских проблем, и в самом слоге многих произведений

Юма.

Поглощенный книжными занятиями, юный Дэвид относился довольно безучастно к тому, что составляло обстановку его жизни в родовом имении, а между тем эта обстановка была далеко не безынтересна: графство, в котором жил Юм, богато самыми интересными преданиями о набегах и разбоях семнадцатого столетия; таинственными и красноречивыми свидетелями этих приключений и по сию пору остаются башни и крепости, рассеянные по берегам рек Твид и Яррау. Странно, что даже в те годы, когда все необыкновенное и романтическое возбуждает и разгорячает юное воображение, даже в эти годы Юм не был ни на йоту романтиком и не заплатил обычной дани юношескому энтузиазму. Все, на что обращал Юм свое внимание и на чем он сосредоточивал свой интерес,— это польза; с этой лишь точки зрения он обсуждал те предметы и явления, на которых останавливался его проницательный взгляд. Трудно представить себе более бесстрастный темперамент, менее увлекающуюся натуру. В своей прозаичности Юм доходил даже до полного непонимания красоты и до неумения наслаждаться ею. Живопись, скульптура и музыка решительно не существовали для этого сухого и строгого мыслителя; а в своих замечаниях о крупнейших литературных произведениях он обнаруживал такое отсутствие художественного чутья, такую пристрастную и несправедливую оценку, какие решительно трудно понять и допустить в человеке, способном к самым остроумным и метким суждениям, когда дело касалось социальной и политической философии. Но именно односторонность и кажущееся несовершенство дарований Юма и составляли силу этого философа; они-то главным образом и придали цельность, определенность и законченность его теориям.

Итак, юноша Юм, погруженный в изучение древних поэтов и философов, с увлечением продолжал развивать свой ум и пополнять пробелы рано законченного школьного образования. Плоды своих самостоятельных размышлений, оригинальных и глубоких уже в эту раннюю пору жизни, Юм излагал в красноречивых посланиях к своим друзьям; так, например, в одном из писем, адресованных Михаилу Рамзею, шестнадцатилетний Юм пишет, между прочим, следующее: “Я живу по-царски, главным образом для самого себя, в бездействии и вне каких-либо волнений. Я предвижу, впрочем, что это состояние не будет продолжительным. Мир души моей недостаточно гарантирован философией от ударов судьбы. Истинное величие и возвышенность духа можно найти только в изучении и в созерцании; только они могут научить нас презирать случайности человеческой жизни. Вы понимаете,

конечно, что, рассуждая подобным образом, я говорю как философ; об этом предмете я много размышляю и мог бы толковать о нем целый день”.

Воздавая должное и серьезным мыслям, и возвышенному тону этого письма, мы должны прибавить, впрочем, что пренебрежительное отношение к материальным благам и практическим интересам нередко встречается у юношей, ведущих уединенную, созерцательную жизнь и много читающих; в письме же Юма особенно характерно то место, где он выражает свое влечение к философии. Слова “об этом предмете я много размышляю” отнюдь не были преувеличением. Занятия Юма в это время не ограничивались одним чтением знаменитых мыслителей; способность и склонность к критике пробудились в нем при первом же ознакомлении с верованиями прежних времен; он смело развенчал все авторитеты и заглянул в глубину их учений, нисколько не ослепляясь ни славой, ни общепризнанным величием этих творений. Найдя все высказанное прежними философами недостаточно определенным и плохо обоснованным, Юм со всем пылом юности, на какой был способен, пошел навстречу тем открытиям, которые оставалось сделать в области мысли. Поэтому-то, наряду с чтением, семнадцати- и восемнадцатилетний Юм берется и за перо; он изводит массу бумаги на самые разнообразные заметки и даже пытается написать нечто законченное в виде “Очерков”, “Опытов” и так далее. Как бы ни были несовершенны и мало отделаны эти первые писания юноши, все же в них можно найти зачатки тех мыслей и даже того метода, которые впоследствии составили славу Юма.

Мирные и любимые занятия Юма в эпоху его юности два раза нарушались резкими и неудачными попытками его родных направить Дэвида на практическое поприще. Семнадцатилетнего Юма задумали сделать законоведом и заставили его изучать юридические науки. Нет сомнения, что из Юма мог выйти замечательный юрист. По мнению Бертона, он обладал всеми необходимыми для того качествами: ясностью и замечательной диалектичностью суждений, способностью быстро осваиваться с сущностью дела, неутомимой активностью. Но Дэвид был слишком поглощен другими идеями для того, чтобы он мог отдаться изучению познаний чересчур профессионального характера: Юм мечтал о великом литературном творении, которое произведет переворот в области философии и создаст ему мировую известность; понятно, как жалки казались ему в сравнении с этим успехи среди английских адвокатов или членов парламента. “В то время как мои родные думали, что я изучаю

Вета и Винния, я тайком пожирал Цицерона и Вергилия”, – говорит о себе Юм.

Это подневольное приготовление Юма к юридической деятельности продолжалось всего год, а затем он снова был предоставлен самому себе и без помех принялся за своих любимых писателей. Но чересчур напряженная умственная деятельность юного философа не прошла для него даром. На восемнадцатом году здоровье Юма сильно пошатнулось; появились упадок духа и вялое отношение даже к тому, чем раньше он занимался с таким жаром. Дэвид понял, что ему необходимо хорошенько отдохнуть и укрепнуть телесно и умственно прежде, чем он примется за то серьезное сочинение, которое задумал. Это привело его к решению послушаться советов своих родственников и круто переменить образ жизни; в 1734 году, заручившись важными рекомендательными письмами, Юм отправился в Бристоль, надеясь устроиться в конторе одного из тамошних коммерсантов. “Через несколько месяцев, – говорит Юм в своей автобиографии, – я нашел, что этот род деятельности совершенно неподходящ для меня”. Этого и следовало ожидать. Жизнь и коммерческие занятия в Бристоле не оказали никакого влияния на Юма, и эпизод этот можно было бы совсем обойти молчанием, если бы он еще ярче не оттенял того, что никакие временные уклонения не могли заставить Юма забыть намеченную им цель, не могли отвлечь его от великих дум и стремлений, всецело овладевших его юным существом. Сколько времени провел Юм в Бристоле, это вопрос, на который трудно ответить с точностью. В автобиографии Юма есть намек на то, что пребывание его в Бристоле ограничилось всего двумя месяцами; в других же сочинениях, между прочим в “Мемуарах” Анны Мор, говорится, что бристольский торговец бельем Пич пользовался общением с Юмом в течение двух лет. Как бы то ни было, первый выбор практической деятельности был сделан неудачно; Юм резко порвал сношения с чуждым ему кружком коммерсантов и уехал из Бристоля во Францию, ища вдали от родины такого уединения, в котором он без помех мог бы предаться своим ученым занятиям.

Чтобы покончить с юношеским периодом жизни Юма, нам следует упомянуть об одном замечательном письме этого философа, письме, написанном им в Лондоне, где он останавливался на пути из Шотландии в Бристоль. Неизвестно, кому предназначалось это послание; в бумагах Юма оно сохранилось под обозначением “Письмо к врачу”. Сам автор письма называет его “Нечто вроде истории моей жизни”, и уже по одной этой причине оно имеет право на наше внимание;

искренний и сердечный тон письма всего лучше будет виден, если мы приведем целиком главные места из него.

“Я должен сказать Вам,— пишет Юм,— что с самого раннего детства у меня было сильное влечение к книгам и письмам. Так как наше классическое образование в Шотландии,— не идущее, впрочем, далее изучения языков,— обыкновенно оканчивается в четырнадцати— или пятнадцатилетнем возрасте, то по окончании курса мне предоставлялась полная свобода в выборе чтения; скоро я убедился, что меня в равной степени влекут к себе как философские книги, так и произведения поэтические и словесные. Тот, кто изучал философию или критику, знает, что ни в одной из этих областей нет ничего прочно установленного и что они, даже в самых существенных частях своих, заключают главным образом бесконечные противоречия. Изучив их, я почувствовал, что во мне зарождается и крепнет смелость духа, не располагающая меня склониться перед тем или другим авторитетом, а, напротив, побуждающая искать какого-либо нового средства для восстановления истины. После целого ряда занятий и долгих размышлений об этом предмете, когда я достиг восемнадцатилетнего возраста, мне стало наконец казаться, что передо мной открылась совершенно новая арена мысли; это сознание безмерно обрадовало меня, и с жаром, свойственным молодым людям, я отклонял всякое удовольствие, всякое другое занятие, решившись всецело отдаться своим размышлениям. Карьера, которую я намеревался было избрать, юриспруденция, мне опротивела, и я начал думать, что единственный путь, на котором для меня возможен успех,— это стать ученым (scholar) и философом. Этот образ жизни доставлял мне бесконечное счастье в течение нескольких месяцев; но в сентябре 1729 года я почувствовал, что мой первоначальный пыл остывает и что я не могу более поддерживать свой дух на той высоте, на которой до сих пор он испытывал величайшие наслаждения”.

Сперва Юм приписал этот упадок духа проявлению лени и в течение девяти месяцев работал с удвоенным старанием, но так как это не поправило дела, то он пришел к другому заключению. На него произвели сильное впечатление чудные образы добродетели, собранные в произведениях Цицерона, Сенеки и Плутарха, и юноша не щадил себя, пытаясь дисциплинировать свой нрав, свою волю и подчинить их разуму.

“Я старался,— говорит далее Юм,— укрепить свой дух размышлениями о смерти, о бедности, о бесчестии, о страдании и прочих жизненных бедствиях. Без сомнения, все эти размышления очень полезны, когда присоединяются к деятельной жизни, потому что в этом случае представляется возможность

действовать согласно с нашими мыслями, и тогда эти мысли проникают в нашу душу, оставляя в ней глубокий след. Зато в уединенной, бездеятельной жизни они только рассеивают и изнуряют ум, потому что душевные силы наши, не встречая никакого сопротивления извне, как бы теряются в пространстве, – ощущение, подобное тому, какое мы испытываем, когда наша рука производит удар в пустоте”. Далее Юм говорит в том же письме: “Я заметил, что нравственная философия древних отличалась тем же недостатком, что и их философия природы, а именно, она была совершенно гипотетична, основывалась более на выдумках, нежели на опыте. Каждый философ обращался только к помощи своего воображения для того, чтобы установить учение о добродетели и о счастье, но не изучал при этом человеческой природы, а между тем на этом-то изучении и должны основываться все теории нравственности”.

Любопытный психологический кризис переживался Юмом в ту эпоху, о которой он так просто и вместе с тем красноречиво рассказывает в приведенном нами письме. Юноша, одаренный смелым полетом мысли и замечательной способностью критики, подметил слабые стороны разбираемых им философских учений; объединить свои замечания и составить из них систематическое опровержение прежних верований – для этого у юного философа нашлись и умение и достаточная уверенность в своих силах. Но разрушенные старые здания при своем падении открыли широкий горизонт, и отважный мыслитель рвался на эту “новую арену мысли”, пытаясь заложить на ней основание такой самостоятельной работы, которая своею прочностью превзошла бы все предшествовавшие. Но тут и сказалась вся рассудительность Юма, вся неспособность его увлекаться до самозабвения. Критически относясь к другим, он не щадил и себя; он прекрасно понимал, что, ведя уединенную, созерцательную жизнь и не обладая при этом достаточными познаниями в области экспериментальных наук, он не сможет создать таких нравственных теорий, которые основывались бы на изучении человеческой природы. Приходилось еще многое узнать и многому научиться, а юношеское воображение уже предвкушало всю прелесть творческой работы мысли... При таком настроении понятно и разочарование в своих качествах, умственных и нравственных, понятно и вялое, индифферентное отношение к той работе, результат которой так обманул Юма.

Найт именует это настроение молодого Юма “умственной хилостью”; мне кажется, что в этом случае правда на стороне Гексли, который называет апатию и ненормальное душевное состояние нашего философа “кризисом”. Да, кризис, после

которого в организме “больного” совершился благотворительный перелом и началось быстрое и уже безостановочное развитие замечательных способностей.

ГЛАВА II

Первая поездка во Францию. – Философские занятия Юма и плод их. – “Трактат о человеческой природе”. – Первоначальная судьба этого произведения; авторское самолюбие Юма. – Второе литературное произведение Юма. – “Опыты нравственные, политические и литературные”. – Жизнь в доме лордов Анэндалей. – Процесс с ними

Направившись из Бристоля во Францию, Юм посетил прежде всего Париж, затем провел некоторое время в Реймсе и наконец поселился в небольшом местечке la Flèche, где и оставался два года из числа трех лет своего первого пребывания во Франции. По-видимому, Юм был очень доволен тем образом жизни, который он вел в избранном им уединенном селении. По его словам, здесь ему удалось устроить себе тот режим, которого он давно и упорно добивался. “Я старался,– говорит Юм,– только о том, чтобы сохранить свою независимость, и не обращал внимания ни на что, кроме усовершенствования моих литературных способностей”. Впрочем, из своего убежища Юм, очевидно, следил и за событиями современной жизни, так как и в его первом философском труде, и в позднейших “Опытах” мы находим мысли относительно сущности чудес и возможности совершения их. Рассуждения эти были вызваны тем, что во время пребывания Юма в Ля-Флеш общественное мнение Франции было сильно возбуждено рассказами о чудесах, совершившихся в Париже на могиле янсенистского аббата. Разумеется, Юм оспаривал как возможность, так и реальность этих чудес. К сожалению, мы не имеем никаких других сведений о том, как проводил время Юм в течение своего двухлетнего пребывания в Ля-Флеш. Известно только, что двадцати пяти лет Юм окончил большое сочинение “Трактат о человеческой природе” (“Treatise on Human Nature”), составляющее главный и наиболее ценный вклад Юма в философскую литературу. Так как, по словам самого автора, он задумал и начал этот труд еще живя в Шотландии, а затем продолжал его в Реймсе, то мы не ошибемся, предположив, что в Ля-Флеш Юм занялся лишь окончательной обработкой своего “Трактата”, то есть систематизированием материала, литературной отделкой его и так далее. Не без похвальбы говорит Юм в одном из своих писем, что “Трактат о человеческой природе” он написал в возрасте от двадцати одного до двадцати пяти лет,– факт тем более удивительный, что упомянутое сочинение отличается замечательными достоинствами: превосходной литературной формой, несравненной простотой и

ясностью выражений, соединенными с глубиной мысли. Решительно ни одно философское сочинение, настолько зрелое, обдуманное и превосходное во всех своих деталях, не было написано таким юным автором. Замечательно, что в “Трактате” Юм высказал наиболее глубокие, наиболее оригинальные мысли, так что позднейшие его труды, быть может, более совершенные по форме и по строению, представляют по содержанию лишь бледные копии с того мощного произведения, которым Юм дебютировал на поприще философской литературы.

В сентябре 1737 года Юм отправился в Лондон для того, чтобы хлопотать там об издании своего “Трактата”. Прежде всего, однако, он занялся пересмотром и переделкой своего сочинения; некоторые части его он совсем выпустил, другие сильно изменил, делая все это для того, чтобы подготовить возможно лучший прием для своего детища. Своему родственнику, Генри Тому, он писал об этом следующее: “В настоящее время я занимаюсь кастрированием моей книги, то есть урезыванием ее лучших частей, стараясь сделать ее как можно менее оскорбительной”. В другом письме к тому же Генри он говорит: “Я не могу доверять своему мнению (о “Трактате”) как потому, что оно слишком близко касается меня самого, так и потому, что оно крайне изменчиво и я никак не могу установить его: иногда я возношусь выше облаков, иногда же терзаюсь сомнениями и страхами”.

Наконец Юм заключил формальный договор с издателем Джоном Нуном и передал ему свою рукопись, а сам в сентябре 1738 года удалился в свое родовое имение, чтобы там, в деревенской тиши, ожидать новостей о своем успехе или падении. Два первых тома сочинения Юма были изданы в январе 1739 года, а через несколько месяцев уже можно было констатировать полный неуспех, которым сопровождалось появление в свет его первого философского труда. Об этом факте Юм отзывался следующим образом в своей автобиографии: “Никогда еще не было такого несчастного литературного предприятия, каким оказалось мое сочинение “Трактат о человеческой природе”; оно погибло при самом появлении своем на свет; на его долю не выпало даже чести возбуждения против себя ропота изуверов. Но так как по своей натуре я был склонен к веселью и надежде, то скоро оправился от этого первого удара и, живя в деревне, с новым жаром принялся за свои занятия”.

Есть, однако, основание думать, что Юм вовсе не так легко примирился с неудачей своего первого опубликованного труда. В письме от 1 июня 1739 года он говорит: “Я вовсе не расположен более к тому, чтобы писать подобные сочинения, так как из Лондона получил известия о посредственном успехе моей

философии,— весьма посредственном, если судить о нем по продаже книг и если мой издатель заслуживает доверия”. Особенно огорчало Юма равнодушное и пренебрежительное отношение общества к “Трактату о человеческой природе”. Автор понимал, как много смелых и новых мыслей заключало в себе его сочинение; он ожидал, что они произведут целую революцию в мире умственных интересов; он приготовился к негодованию обскурантов и заблаговременно придумывал средства и орудия для борьбы с ними. Ничего этого не дождался самолюбивый философ, задумавший сразу произвести переворот в области мысли. Тихая, вялая продажа вышедших частей “Трактата”, полное равнодушие читателей, замалчивание критиков... Юму на горьком опыте пришлось убедиться в том, что новизна его мыслей и взглядов чересчур опередила развитие его современников и что большинство их не находит ничего общего, никакой связи между рассуждениями нового философа и своими убеждениями и взглядами. Все это так разочаровало Юма и так расхолодило его философский пыл, что он решил на время переменить род занятий и обратился к изучению истории и социальным вопросам.

Впрочем, “Трактат” Юма не был совершенно обойден молчанием. В издании, называвшемся “История трудов ученых” (“History of the Works of the Learned”), за ноябрь 1739 года, появилась критическая статья о сочинении Юма, в которой к этому произведению отнеслись внимательно и с большим уважением. Автор этой заметки неизвестен, но, вероятно, он был человек знающий и проницательный; труд Юма он оценил следующим образом: “Произведение это отмечено несомненным и большим талантом; оно обнаруживает вдохновение гения, но гения еще молодого и недостаточно опытного”. Юм был очень недоволен такой оценкой и в письме к Гетчесону жаловался на приведенный критический отзыв, называя его “оскорбительным”.

В истории первоначальных неудач “Трактата о человеческой природе” всего печальнее не то, что это произведение было не понято современниками и критикой,— удивительно и обидно подметить в Юме жажду славы, очевидное желание добиться одобрения публики, хотя бы то было одобрение невежественного большинства, а не избранного меньшинства. В своем желании быть понятым и одобренным Юм, как мы видели, решился даже на “уродование” своего труда. Первые изменения в нем он сделал еще в 1737 году, отсылая манускрипт своего “Трактата” на просмотр епископу Бётлеру. Об этих изменениях он упоминает в письме к Генри Тому и прибавляет: “В этом есть доля малодушия, за которое я себя порицаю; но я решил не быть энтузиастом в

философии, тем более что сам порицал других энтузиастов”. В конце концов Юм убедился, что все его уловки и старания в этом направлении тщетны и что успех его философского произведения остается пока несбывшейся мечтой. В 1739 году он писал из своего имения: “Теперь я недоволен собой, но, без сомнения, скоро буду недоволен всем миром, подобно другим авторам-неудачникам”.

Следующие шесть лет (1739—1745 годы) Юм провел в поместье Ninewells в обществе своих родных. Предаваясь обычным научным занятиям, Юм изменил область своих исследований: от чисто интеллектуальной сферы, к которой относились два изданных им тома “Трактата”, он обратился теперь к этике и занялся решением нравственных проблем. Плодом этих занятий был третий том “Трактата”, изданный в 1740 году. По интересу самого сюжета и по талантливой обработке его наиболее замечательна глава, в которой Юм говорит о справедливости и несправедливости, выясняя при этом происхождение понятий закона и собственности.

Едва закончив издание трехтомного трактата, Юм снова выступает перед публикой в качестве автора первого тома “Опытов нравственных и политических” (“*Essays, Moral and Political*”), вышедшего в 1741 году; через год за первым томом последовал и второй. Интересно, что издание это долго оставалось анонимным: Юм не хотел давать своему новому труду имя, которое всякому напоминало бы об авторе “Трактата”, так неудачно начавшем свое литературное поприще. “Опыты” Юма имели большой успех; уже в июне 1742 года первое издание их разошлось, а спрос все увеличивался, так что в 1748 году появилось второе издание этого сочинения, причем две главы были выпущены и прибавлены три новые. Во втором издании Юм назвал свой труд: “Опыты нравственные, политические и литературные” (*Essays, Moral, Political and Literary*”), и под этим заглавием новое произведение Юма выдержало несколько последовательных изданий. Итак, настойчивый автор добился желанного успеха, который выразился на этот раз и в быстрой распродаже изданий, и в одобрении друзей и знакомых Юма. Епископ Бётлер, обошедший молчанием “Трактат о человеческой природе”, горячо рекомендовал новый труд Юма как образцовое литературное произведение, написанное “ясно, сильно и полное блеска, интереса и остроумия”. Действительно, нельзя не признать больших достоинств за “Опытами” Юма: в некоторых из них он высказывает такие веские экономические суждения и так удачно соединяет их с мудро разрешаемыми политическими вопросами, что этими размышлениями подготавливает путь к тому

сочинению Адама Смита (“О народном богатстве”), которое считается главным вкладом в экономическую литературу восемнадцатого века. Но зато как философское сочинение “Опыты” далеко уступают “Трактату”, и современные Юму философы оказались плохими критиками, не угадав того серьезного значения, которое имел его первый философский труд, и предпочтя ему “Опыты” за их литературные достоинства и меньшую резкость взглядов.

Издав свое второе литературное произведение, Юм прожил два-три года в Ninewells, занимаясь чтением и совершенствуясь в греческом языке, который, по его признанию, он знал недостаточно хорошо. В это время Юма окружали самые блестящие представители современной ему шотландской интеллигенции; между его друзьями было немало людей, пользовавшихся крупной известностью в мире литературном и политическом, и Дэвид Юм с удовольствием посвящал свои досуги непосредственному общению или же переписке с новыми друзьями. Однако же в положении Юма было кое-что, заставлявшее его сильно задумываться: несмотря на успех “Опытов”, он все еще не обладал таким определенным доходом, который обеспечивал бы ему скромную, но независимую жизнь.хлопоты друзей Юма о предоставлении ему вакантной кафедры нравственной философии в Эдинбургском университете окончились неудачей, и в 1745 году Юм принял предложение юного маркиза Анэндалей, переехав к нему в качестве наставника и руководителя его образованием. Странная и тяжелая жизнь выпала на долю Юма в течение года, проведенного им в поместьях семьи Анэндалей. Воспитанник Юма был жалким, полупомешанным юношей, которого, разумеется, нельзя было ни учить, ни развивать так серьезно, как этого желал бы воспитатель-философ. Кроме того, дядя молодого маркиза, заведовавший всеми делами лордов Анэндалей, оказался очень дурным человеком, и Юму пришлось перенести от него много несправедливых обид. Без сомнения, одна материальная нужда и необходимость заработка заставляли Юма в течение целого года вести такой жалкий образ жизни, но, к сожалению, его труды и терпение не были вознаграждены ни в каком смысле: Анэндалей не заплатили Юму условленного жалованья, и ему пришлось вести длинный процесс, чтобы получить свой заработок с богачей, имения которых оценивались миллионами рублей. Интересно, что Юм вел этот процесс с такой настойчивостью, которая, по-видимому, плохо мотивировалась незначительной суммой, составлявшей жалованье Юму у Анэндалей. Это тем более удивляло друзей Юма, что процесс затянулся до 1761 года, а в это

время наш философ был уже хорошо обеспеченным человеком, и всякий другой на его месте давно махнул бы рукой на такую ничтожную тяжбу. Но у Юма было высоко развито чувство законности и справедливости, то чувство, которое удерживает человека от посягательства на все ему не принадлежащее, но зато и побуждает неуклонно отстаивать свои законные права. Относительно тяжбы с Анэндалями неизвестно даже, получил ли Юм следуемые ему деньги; но он выиграл свой процесс, то есть отстоял перед законом свои права, что и было его главной целью.

ГЛАВА III

Военная экспедиция генерала Сен-Клера. – Путешествие Юма по Европе. – Издание “Философских опытов о человеческом уме”. – Смерть госпожи Юм. – Жизнь Юма в Эдинбурге. – Издание “Исследования принципов нравственности” и “Политических речей”. – Избрание Юма на должность библиотекаря общества адвокатов в Эдинбурге. – Исторические труды Юма. – Издание первых томов “Истории Англии”. – Переезд в Лондон и возвращение в Эдинбург

В 1746 году генерал Сен-Клер, начальник военной экспедиции, отправлявшейся из Англии в Канаду (но ограничившейся на деле крейсированием вокруг берегов Франции), пригласил Юма занять при нем место секретаря и юрисконсульта. Юм почти без раздумья принял предложение Сен-Клера и таким образом вступил в состав экспедиции, преследовавшей, в сущности, бесчестные цели: набеги на мирных прибрежных жителей и разорение их деревень. Единственной выгодой, которую мог извлечь Юм из своего участия в таком предприятии, было приобретение опытности в делах юридических и политических, что впоследствии очень пригодилось ему как историку. В своих письмах к сестре и брату Юм выражал удовольствие по поводу того, что ему приходится видеть настоящую “кампанию”; но скоро философ заскучал в новой для него обстановке, и его сильно потянуло назад, “к дорогим друзьям-книгам, к сельскому досугу и уединению”.

По окончании экспедиции Юм вернулся к своим родным, которые с большим радушием встретили самого младшего члена своей семьи, предоставив ему полную возможность отдыха и свободного занятия любимыми трудами.

В 1748 году мирная деревенская жизнь Юма была вторично нарушена приглашением Сен-Клера. На этот раз генерал получил важную военную миссию при дворах венском и туринском. Сохранив самые хорошие воспоминания о Юме как об умном и деятельном секретаре, Сен-Клер настоятельно просил его снова занять эту должность. Сначала Юм колебался: приходилось опять расставаться с тихим убежищем и с любимыми книгами; но скоро взяло верх то соображение, что для задуманных исторических трудов будет в высшей степени полезно ознакомиться с тем, что происходит в сферах придворной и дипломатической, – и Юм еще раз отвлекается от научной работы, чтобы занять официальный пост при военном посольстве. Так как Сен-Клер скоро назначил Юма своим адъютантом, то философу пришлось надеть военную

форму, которая, по словам современников, совсем не шла к его неуклюжей, тучной фигуре.

Путешествие Юма с генералом Сен-Клером продолжалось около года, причем им удалось побывать в Голландии, проехать по Рейну, посетить Франкфурт, Вену и затем через Тироль попасть в Турин. В дневнике и письмах, которые Юм присылал из-за границы своему брату, философ остается верен себе: ни красоты природы, ни величавые остатки средневековой культуры, ни чудные произведения искусства не привлекали внимания Юма, который нигде не обмолвился ни одним словом о виденных им чудесах. Зато он делает меткие и верные наблюдения над бытом и жизнью тех государств, через которые лежал его путь. Так, например, о Германии он сказал: “Если она когда-либо объединится, то станет самой могущественной державой”. Мнение это оказалось настоящим предвидением событий современной нам истории. На историко-критические взгляды Юма его поездка с Сен-Клером имела несомненное и притом полезное влияние. Сношения с чужими дворами и ознакомление с реальной политической жизнью показали Юму, как много значат в жизни народа его внутренние силы; он убедился в том, что именно эти силы, а не случайные успехи на поле брани обеспечивают истинное развитие и прогресс в государственной жизни.

Во время пребывания Юма в Италии, в 1748 году, были изданы его “Философские опыты о человеческом уме” (“Philosophical Essays concerning Human Understanding”), получившие впоследствии (в третьем издании) заглавие “Исследование о человеческом уме” (“An Inquiry concerning Human Understanding”), под которым они известны до сих пор. Первое издание этого сочинения было анонимное; во втором издании Юм сообщил свое имя, а позднее прибавил к этому произведению предисловие, в котором выразил желание, чтобы читатели только на это “Исследование” смотрели как на сочинение, выражающее чувства и философские принципы автора, и чтобы оно совершенно заступило место “Трактата”, который таким образом самым автором обрекался на полное забвение. Здесь мы встречаемся с очень странным, но часто повторяющимся явлением: автор обнаруживает как непонимание истинных достоинств своего лучшего труда, так и необъяснимое предпочтение, которое он оказывает другому труду, несравненно более слабому: “Исследование о человеческом уме” представляет собою извлечение из “Трактата”, сделанное Юмом с целью большей популяризации своих идей. Правда, литературной, общедоступной и даже изящной формой “Исследование”

превосходит “Трактат”, но в этом и все преимущество первого перед последним. В письмах к своему другу Гильберту Эллиоту Юм говорит: “Я думаю, что “Философские опыты” содержат все важнейшие наблюдения, которые можно найти в “Трактате”. Поэтому я просил бы вас не читать этого последнего. Сокращая и упрощая рассуждения в нем, я, в сущности, делаю их более полными. *Addo dum minuo* (сокращая, прибавляю). Философские же принципы одни и те же в обеих книгах”.

Юм был тысячу раз неправ в этом пренебрежении к “Трактату” и в желании заменить его “исследованием”, которое, именно как философское сочинение, существенно уступает его юношескому произведению. Разумеется, оно выражает и чувства, и философские принципы Юма, но это произведение лишено того методического и научного характера, который составляет основу “Трактата”. Мысли Юма в “Исследовании” выражены в разбросанных отрывках; они страдают бедностью и неполнотой развития; вся важность их почувствуется лишь по прочтении “Трактата”, который отмечен всей искренностью, всей оригинальностью и глубиной первого труда. “Философские опыты” были написаны Юмом, чтобы сделать как можно доступнее для понимания свою философскую систему, то есть чтобы вульгаризировать ее, а при таком приспособлении к умственному уровню большинства читателей приходится жертвовать многими, иногда лучшими чертами научного труда. Вот почему, по мнению Пиллона, “Философские опыты” Юма никак не могут служить заменой его “Трактата”; их следует рассматривать лишь как дополнение к нему,— дополнение, правда, очень ценное в некоторых отношениях.

Участь нового философского произведения Юма была немногим лучше печальной судьбы его “Трактата”, и автор с сожалением должен был убедиться в том, что ему не удалось изгладить память о его первом труде. Так потерпели крушение планы Юма произвести переворот в мире мысли; так плохо были оценены современниками Юма гениальные труды, доставившие ему впоследствии и всемирную славу, и крупное значение в истории философии.

По возвращении своем из заграничной поездки (1749 год) Юм поселился было в Лондоне, но неожиданное известие о смерти матери заставило его покинуть столицу Англии и снова переехать в свое имение. Карлейль и Бойль, бывшие свидетелями того впечатления, которое произвела на Юма смерть матери, рассказывают, что горе философа было очень велико и что они застали его “проливающим потоки слез”. Как видно, научные занятия не иссушили сердца Юма, не сделали его черствым и

неспособным к нежным чувствам; философу был только чужд тот экспансивный лиризм, который заставляет человека разбираться в своих ощущениях, вникать в мельчайшие оттенки их и пространно толковать о каждом из этих наблюдений. Юм был, вероятно, другого мнения о таком обнаружении своих интимных чувствований; оно должно было казаться ему и бесполезным и неуместным; вот почему в автобиографии он упоминает о своей тяжелой утрате лишь в следующих кратких словах: “В 1749 году, по случаю смерти моей матери, я переехал в имение моего брата и прожил там два года”.

Все это время Юм вел оживленную и крайне интересную переписку со своими друзьями, самым замечательным из которых был Гильберт Эллиот; несмотря на различие философских взглядов, Юм и Эллиот были очень дружны, и обмен их мыслей в письмах составляет образчик замечательно интересной корреспонденции. Живя в деревне, Юм не терял времени; пользуясь представившейся ему свободой и досугом, он написал три замечательных сочинения: “Исследование о принципах нравственности”, “Политические речи” и “Диалоги о естественной религии” (“Inquiry concerning the Principles of Morals”, “Political Discourses”, “Dialogues concerning Natural Religion”); два первых произведения вышли в 1751 году, а последнее было издано лишь после смерти автора.

Двухлетнее пребывание в деревне на этот раз привело Юма к тому убеждению, что город есть настоящая арена деятельности для ученого, вследствие чего философ окончательно покинул деревню и переехал в Эдинбург. Здесь он поселился на Лонмаркете, наняв квартиру в одном из тех старинных многоэтажных домов, которые и по сию пору возвышаются по обеим сторонам узких улиц старого Эдинбурга и своим оригинальным видом привлекают внимание туристов.

Самым бодрым, светлым настроением духа сопровождался этот переезд Юма на жительство в столицу Шотландии. Вот что писал он в это время Рамзею:

“Пожалуй, и я мог бы, подобно другим, жаловаться на свою судьбу, но я этого не сделаю, а если бы и сделал, то считал бы себя очень неблагоприятным. Если мой доход не изменится, то я буду располагать пятьюстами рублями в год; кроме того, у меня есть библиотека ценностью в тысячу рублей, большой запас белья и платья и около тысячи рублей в моем бумажнике. Прибавьте сюда порядок, воздержанность, дух независимости, хорошее здоровье, прекрасное настроение и ненасытную любовь к учению. Благодаря всему этому я могу причислить себя к счастливым и баловням судьбы; таким образом, я далек от желания вынуть

другой билет в жизненной лотерее, ибо мало есть таких жребиев, на которые я согласился бы променять свой собственный”.

Первая же зима, проведенная Юмом в Эдинбурге, ознаменовалась новым поражением его кандидатуры на профессорскую кафедру. В университете Глазго освободилась кафедра логики вследствие того, что Адам Смит был назначен профессором этики. Юм выступил претендентом на освободившееся место, но снова не был выбран, вероятно потому, что такому отъявленному атеисту и скептику не считали возможным поручить образование юношества. В этом же, то есть 1751, году Юм издал два сочинения, написанные им уже в деревне: “Исследование о принципах нравственности” и “Политические речи”. О первом из них автор выразился следующим образом: “По моему мнению, это самое лучшее из всех моих произведений исторических, философских или литературных”. Труд этот не был оценен современниками Юма, которые не разделяли взглядов философа на пользу как на мерило нравственных деяний, а именно этой защите пользы и посвящено “Исследование о принципах нравственности”. Не такова была участь “Политических речей” – это сочинение получило быструю и широкую известность; появилось несколько переводов его на французский язык, которые и были изданы в Амстердаме, Берлине и Париже. Вообще в Европе “Политические речи” произвели большую сенсацию и даже вызвали своим появлением другие сочинения, между прочим книгу Мирабо “Друг людей”. Бертон говорит, что “политические речи” Юма по справедливости можно назвать колыбелью политической экономии и что они содержат первое, самое простое и самое краткое изложение принципов этой науки.

В 1752 году общество эдинбургских адвокатов избрало Юма своим библиотекарем; звание это, охотно принятое Юмом, не предоставляло значительных материальных выгод, так как оплачивалось всего четырьмястами рублями годовичного жалованья; но зато теперь в распоряжение Юма поступала обширная библиотека (около тридцати тысяч томов), особенно богатая книгами исторического содержания, – факт, крайне важный для Юма, задумавшего писать историю Англии и действительно занимавшегося этим трудом в течение одиннадцати лет. Интересны обстоятельства, которыми сопровождалось избрание Юма на должность библиотекаря. Едва разнесся слух о возможности предоставления Юму этого скромного места, как в Эдинбургском обществе поднялись негодующие возгласы против кандидатуры такого нечестивого человека. Тем не менее, Юм был избран громадным

большинством. Вот что писал он об этом доктору Клефэну в письме от 4 февраля 1752 года: “Всего удивительнее то, что обвинение меня в несчастии не помешало дамам решительно высказаться за меня; их ходатайству я в значительной степени обязан своим успехом... Со всех сторон твердили, что происходит состязание между деистами и христианами; когда же первая весть о моем успехе разнеслась в театре, то все зашептали о том, что христиане потерпели поражение”. Противники Юма, недовольные успехом, выпавшим на его долю, начали злословить, обвиняя его в корысти, которая будто бы единственно побудила его принять должность библиотекаря; Юм в высшей степени великодушно опроверг это обвинение, пожертвовав все свое жалованье в пользу слепорожденного поэта Блэклока.

Окончательно устроившись в Эдинбурге, разделяя свои труды между занятиями, связанными с новой должностью, чтением и обработкой истории Великобритании, Юм находил время и для общения со своими друзьями, которые составляли около него тесный и весьма избранный круг. Одним из самых замечательных людей между ними был, без сомнения, Адам Смит. Знакомство его с Юмом состоялось еще в период школьного обучения знаменитого впоследствии политэконома, в то время, когда ему было не более семнадцати лет. Профессор университета Глазго Гетчесон обратил внимание на выдающегося ученика в классе и рассказал о нем Юму, говоря, что он хорошо сделает, если пошлет этому талантливому юноше экземпляр своего “Трактата”; Юм послушался этого совета, и таким образом завязалось сначала знакомство, а затем и дружба между двумя замечательными мыслителями XVIII века.

Очень интересную характеристику своей жизненной обстановки и своих стремлений в описываемую пору дает сам Юм в письме к доктору Клефэну. “Вот уже семь месяцев, как я завел свой собственный очаг и организовал семью, состоящую из ее главы, то есть меня, и двух подчиненных членов – служанки и кошки. Ко мне присоединилась моя сестра, и теперь мы живем вместе. Будучи умеренным, я могу пользоваться чистотой, теплом и светом, достатком и удовольствиями. Чего хотите вы еще? Независимости? Я обладаю ею в высшей степени. Славы? Но она совсем нежелательна. Хорошего приема? Он придет со временем. Жены? Это не есть необходимая жизненная потребность. Книг? Вот они действительно необходимы; но у меня их больше, чем я могу прочесть. Говоря короче, нет такого существенного блага, которым я не обладал бы в большей или меньшей степени; поэтому без особых философских усилий я могу быть покойным и довольным...”

“Так как нет счастья без занятий, то я начал труд, которому должен буду посвятить несколько лет и который доставляет мне большое удовольствие. Это „Британская (шотландские предрассудки не позволяли Юму сказать *английская*) история начиная от соединения королевств до настоящего времени. Я уже окончил царствование короля Иакова. Мои друзья уверяют, что моя работа успешна. Вы знаете, конечно, что на английском Парнасе самое вакантное место – это место истории. Слог, оценка, беспристрастие, старательность – всего этого оставляют желать наши историки; что до меня, то я пишу мое сочинение очень сжато, по образцу древних историков...” В автобиографии Юм говорит о своих исторических трудах следующее: “Я вознамерился писать английскую историю, но был утрачен мыслью писать такую историю, которая начинается 1700 лет назад; поэтому я начал ее с восшествия на престол дома Стюартов, то есть с такого времени, когда, казалось мне, склонность к возмущениям особенно способствовала уничтожению предрассудков и заблуждений. Признаюсь, что я был полон надежд на успех этого труда, думая быть таким историком, который не обращает внимания ни на силу, ни на шум народных предрассудков. А так как эти намерения могли быть понятны каждому, то я и рассчитывал, что мое сочинение будет одобрено всеми людьми. Но в этих надеждах я был бесчеловечным образом обманут, так как против меня поднялась общенародная молва, порочающая мое сочинение”.

Обе приведенные выписки крайне характерны. Из них видно, что за какие бы труды ни принимался Юм, все его старания направлялись к одной цели – к возможности такого благотворного воздействия на умы читателей, которым достигалось бы искоренение предубеждений, неправильных взглядов, предвзятых мнений и суеверий, – словом, всего, чем тормозится правильное развитие мысли, чем омрачаются здравый смысл и ясные понятия. Ради этой цели Юм начал свою историю именно с той эпохи, которая, по его мнению, характеризовалась первыми волнениями и выступлениями против умственной рутины; из этих же соображений он закончил третий, и последний, том истории восшествием на престол ганноверской династии. “Я не смею подходить ближе к настоящему времени”, – говорит Юм. Разумеется, дальнейшее приближение было опасно и даже невозможно для историка, который не ограничивался простым изложением фактов, но с беспощадною строгостью проницательного критика указывал на темные стороны государственной и общественной жизни. Интересно и то замечание Юма, которое относится собственно к форме его

исторического труда: “я пишу... сжато, по образцу древних историков”. Как сказались здесь те юношеские восторги, с которыми шестнадцатилетний Юм зачитывался Плутархом и Тацитом... Авторов, выбранных им своими руководителями в ту раннюю эпоху, Юм считает образцами и в зрелом возрасте, при полном развитии своих богатых умственных способностей. Не знаешь, чему тут больше удивляться: умению ли юноши остановить свой выбор именно на самом подходящем и пригодном материале для будущих самостоятельных трудов или постоянству философа, остающегося десятки лет верным тем влечениям, которые возникли в нем с первых лет его сознательной умственной жизни!

Первый том “Истории Великобритании”, содержащий царствование Иакова I и Карла I, был издан Юмом в 1754 году. Продажа этой книги, особенно в Эдинбурге, шла недурно, и если бы единственным желанием автора было приобретение все большей и большей известности, то он мог бы считать свою цель достигнутой. Но Юму этого было мало: как мы уже видели, он желал быть понятым и одобренным, и в этом отношении его постигло горькое разочарование. В автобиографии Юма мы находим следующие относящиеся сюда строки: “Меня встретили криками порицания, гнева и даже ненависти; англичане, шотландцы и ирландцы, виги и тори, духовные лица и сектанты, свободные мыслители и святоши, патриоты и придворные льстецы,— все соединились в своей ярости против человека, который не побоялся пролить слезу сожаления над смертью Карла I и графа Страффорда. Когда же остыл первый пыл их гнева, то произошло нечто еще более убийственное: книга была предана забвению. Миллер (издатель) уведомляет меня, что в течение двенадцати месяцев он продал всего сорок пять экземпляров. Право, не знаю, найдется ли во всех трех королевствах хоть один человек, видный по положению или по научному образованию, который отнесся бы к моей книге с терпимостью. Впрочем, я должен сделать исключения в пользу примаса Англии, доктора Герринга, и Ирландии, доктора Стона,—исключения изумительные. Эти высокопоставленные духовные особы удостоили меня посланиями далеко не обескураживающего характера”.

Действительно, может показаться странным, что Дэвид Юм получил одобрение и похвалу со стороны двух епископов. Однако факт этот не так непонятен, как то представляется с первого взгляда; дело объясняется тем, что Юм не был таким беспристрастным, объективным историком, каким характеризует себя, говоря: “Я имею дерзость думать, что не принадлежу ни к

какой партии и не провожу никакой тенденции”. Именно тенденция-то у него и была: придя к тому убеждению, что демократия менее интеллигентна, чем аристократия, и что народные начинания, коренясь лишь в приходящем энтузиазме, часто не согласуются ни с природой вещей, ни с требованиями разума, Юм стал постепенно отдавать свои симпатии партии аристократов и наконец сделался явным роялистом. Вот мнение знаменитого Маколея о Юме как об историке: “В исторических картинах Юма, несмотря на то, что они представляют восхитительное произведение мастерской руки, все светлые краски относятся к тори, а все тени – к вигам”.

В 1756 году Юм издал второй том своей “Истории”, а через год приступил к работе над третьим томом. Извещая своего издателя Миллера об этих занятиях, Юм радуется тому, что наконец дошел до царствования Генриха VII, с которого, собственно говоря, и начинается новая история. “Жаль,– говорит он,– что я не начал своего труда именно с этой эпохи: тогда я избежал бы многих нареканий, раздавшихся по поводу двух первых томов”. В этом же (1757) году Юмом были напечатаны четыре рассуждения: “Естественная история: религии; страстей; трагедии; образцов вкуса” (“Four Dissertations: the Natural History of Religion; of the Passions; of Tragedy; of the Standard of Taste”).

Вскоре затем Юм написал довольно лаконичное письмо декану общества эдинбургских адвокатов, уведомляя его, что должность библиотекаря не настолько соответствует его привычкам и вкусам, чтобы он мог оставаться в ней; притом она доставила ему если не врагов, то противников в обществе адвокатов.

Освободившись от занятий библиотекаря, Юм стал хлопотать о том, чтобы покинуть Эдинбург и переехать в Лондон, “вероятно, навсегда”, как писал он своему другу Клефэну. Довольно трудно понять, какие причины побуждали Юма расстаться с любимой родиной и променять ее на Англию, к которой он чувствовал сильную антипатию. Из переписки Юма с Робертсоном, относящейся к этому времени, видно, что отъезд философа из Шотландии имел большую связь со свадьбой его брата и что, несмотря на все желание избежать поездки в Лондон, Юм не мог остаться у себя дома. Однако недолго, не больше года, прожил он в столице Англии; вероятно, время взяло свое: причины, вызвавшие отъезд Юма из Эдинбурга, мало-помалу потеряли свою силу, а любовь к родине и тоска по ней окончательно побудили его к возвращению домой. В ноябре 1759 года мы видим Юма снова в Эдинбурге, занятого пересмотром и исправлением первых томов своей “Истории”. Между тем последние сочинения

шотландского философа, главным же образом его исторические труды, приобретали все большую и большую популярность за границей. Во Франции они появились в нескольких переводах и находили себе тонких ценителей среди образованных представителей и представительниц парижских салонов. Одной из горячих почитательниц Юма сделалась госпожа Буффле, имевшая славу первой красавицы Парижа. Прочтя написанную Юмом историю дома Стюартов, эта парижская львица пришла в такой восторг, что написала автору пламенное послание, в котором характеризовала книгу Юма как “terra fecunda [плодоносная почва (*лат.*)] морали и поучений”. Юм ответил своей почитательнице очень любезно, но сдержанно; на просьбу же госпожи Буффле приехать в Париж выразил надежду, что со временем воспользуется этим приглашением. Главным занятием Юма в эту пору пребывания его на родине было исправление и продолжение исторических трудов. В марте 1763 года он сообщал Гильберту Эллиоту, что ему удалось снять с Иакова I обвинения в наложении податей без согласия парламента и в преследовании пуритан и что он восстановил репутацию Иакова II и английской судебной палаты. В том же месяце Юм известил Миллера, что он не оставляет намерения продолжать свою “Историю”.

ГЛАВА IV

Жизнь Юма в Париже в качестве секретаря посольства. – Знакомство с Ж.-Ж Руссо. – Возвращение на родину. – Новый административный пост, предоставленный Юму. – Последние годы жизни в Эдинбурге. – Болезнь и смерть Юма

В 1763 году новая и весьма важная перемена произошла в судьбе Юма. От маркиза Гертфорда, назначенного на пост английского посланника во Франции, он получил приглашение занять место секретаря посольства. Незнакомый с Юмом лично маркиз много слышал о его административных способностях от генерала Сен-Клера, да и прочный, хотя медленный успех философских и исторических трудов Юма сделал к этому времени его имя известным повсюду в Англии. Тем не менее, приглашение маркиза не столько обрадовало, сколько удивило Юма. “Решительно непонятно, как случилось, что подобный пост был предложен философу, писателю, человеку никоим образом не придворному и с самым независимым духом”, – писал Юм в одном из писем. Сначала он отклонил почетное предложение посланника, но потом передумал: для философа с нелестной репутацией безбожника и нечестивца было очень важно вступить в тесные сношения с маркизом Гертфордом, который слыл за человека добродетельного и благочестивого. Кроме того, с местом секретаря посольства, обещанным Юму, были связаны значительные денежные выгоды. Приняв все это во внимание, философ согласился на предложение Гертфорда и в сентябре 1763 года выражал Адаму Смиту то искреннее сожаление, с которым он меняет спокойствие, уединение и независимость на жизнь тревожную, шумную и полную новых обязанностей. “Я пустил такие глубокие корни в Шотландии, что с большим трудом могу представить себя перенесенным куда-либо”, – говорит Юм. На деле оказалось, что шотландского философа ожидали в Париже такой блестящий прием, такое чествование, благодаря которым серьезный мыслитель вообразил себя среди людей, родных ему по духу и убеждениям. Без конца восхищаясь умом, развитием и тонким литературным вкусом парижан, Юм одно время мечтал даже окончательно променять свою родину на гостеприимную Францию. Вот что пишет он об этом в автобиографии: “Живя в Париже, испытываешь большое удовольствие от соседства с разумными, учеными и вежливыми людьми, которых здесь больше, чем где-либо в целом свете. Поэтому одно время я намеревался остаться жить там до моей смерти”. Это решение философа, по-видимому, слишком

опрометчивое и несвойственное его рассудительной натуре, не должно удивлять нас: давно известно, что “наша родина там, где нас понимают и любят”. Кому же было и ценить каждое проявление единомыслия и сочувствия, как не Юму, которого соотечественники так долго и упорно терзали всем, что можно придумать обидного и горького для человека и для писателя: несправедливой критикой, равнодушием, забвением, обвинениями в самых безнравственных намерениях, наконец, просто мелочными сплетнями и наговорами. Посмотрим же, чем обуславливалось совершенно противоположное отношение французов к Юму.

Во второй половине XVIII века высшее общество Парижа представляло оригинальную и характерную смесь самых разнородных элементов. Наиболее заметными, выдающимися людьми в нем были невежественные куртизанки наряду с такими представителями ума и гениальности, как Д'Аламбер, Монтескье, Дидро, Кондорсе, и другие. Интерес дня сосредоточивался на том лице, которое успевало обратить на себя внимание чем-либо новым, до того невиданным, – неважно, было ли это из ряда вон хорошее или дурное отличие. Аристократические салоны служили приютом учености и роскоши, таланта и пошлости, блестящей холодной светскости и христианского человеколюбия... все это непостижимым образом сплеталось и ютилось под сенью кодекса самой распущенной нравственности. Разнообразных ощущений, интересных забав – вот чего жаждали французские аристократы того времени. На этой арене пустоты и тщеславия появляется новый философ, отмеченный уважением самых ученых и знаменитых парижан (с Д'Аламбером и Гельвецием Юм еще до приезда во Францию вел деятельную переписку). В Европу уже успела проникнуть молва о новизне и смелости его воззрений. Английские пиетисты упорно аттестовали его как распространителя вредных атеистических учений. Всего этого было более чем достаточно для возбуждения энтузиазма той нации, которая, по меткому выражению Юма, “вследствие постоянно живущего в ней мятежного духа все доводит до крайности в ту или другую сторону”.

Шотландскому философу пришлось на собственном опыте испытать эту способность французов увлекаться до крайности. Появление его в Париже ознаменовалось целым рядом самых неожиданных оваций. Литераторы, аристократы, придворные, наконец, сам дофин (сын Людовика XV) соперничали друг с другом в чествовании чужестранца-философа. Самые знатные дамы наперерыв приглашали Юма на свои приемы и торжествовали, если им удавалось показаться публично в

сопровождении новой знаменитости. Один из очевидцев этих триумфов Юма, лорд Чарлемонт, рассказывает, что “зачастую в ложе Оперы широкое незначительное лицо толстяка Дэвида появлялось между двумя прелестными женскими личиками”. Но напрасны были все ухаживания и заискивания парижан и парижанок; Юму, с его холодным темпераментом и никогда не оставлявшей его рассудительностью, ничто не могло вскружить голову. В письмах на родину он отзывается о первом времени своего пребывания в Париже следующим образом: “В продолжение двух дней, проведенных в Фонтенбло, я *вытерпел* столько лести, сколько вряд ли выпадало на чью-либо долю за такой промежуток времени... Я питаюсь теперь только амброзией, упиваюсь только нектаром, вдыхаю в себя только фимиам и попираю ногами только цветы... Роскошь и развлечения, окружающие меня, доставляют мне больше неприятностей, чем удовольствия”.

Как и следовало ожидать, однако, триумфам Юма скоро настал конец; лишь только приезжий успел потерять интерес новизны, его оставили в покое, и тут, собственно говоря, наступил для него тот период интересных знакомств и дружеских сношений с людьми действительно замечательными, который доставил Юму такое полное удовлетворение и даже внушил ему желание сделать Францию своим вторым отечеством. Как нарочно, случилось так, что, и живя в Париже, Юм имел полное основание негодовать на неблагодарность и несправедливость к нему английского правительства. Дело в том, что место секретаря посольства, на которое пригласили Юма, в сущности не было вакантным: официально оно числилось за мистером Борнби, человеком очень неспособным и ленивым, который, оставаясь в Лондоне, даром получал значительное жалованье (двенадцать тысяч руб. в год), между тем как Юм в Париже исполнял все обязанности секретаря посольства. Единственное, что удалось Гертфорду выхлопотать для Юма как вознаграждение, это временную пенсию (две тысячи руб. в год) и обещание предоставить ему место секретаря, как только оно освободится. Но так как с этим назначением очень медлили, то Юм не раз выражал негодование и сожаление по поводу своих обманутых надежд. Гильберту Эллиоту он писал об этом следующее: “Я привык получать от моей родины только оскорбления и неприятности, но если это будет так продолжаться, то *ingrata patria ne ossa quidem habebis* (неблагодарное отечество, ты даже и костей моих иметь не будешь)”.

Вообще во время своего пребывания в Париже Юм столь явно предпочитал французов своим соотечественникам и так резко

нападал на англичан за их варварское отношение к литературе и холодный темперамент, что иногда вызывал отпор в своих старых друзьях на родине. Так, Эллиот писал ему: “Любите французов сколько хотите, но прежде всего продолжайте быть англичанином”. Совет этот Юм не оставил без возражений: “Можете ли вы серьезно говорить таким образом? Разве я или вы англичане? Я – космополит; но если бы мне пришлось избирать себе отечество, я остановился бы на той стране, в которой живу теперь”. Несколько лет спустя Юм изменил свое мнение о Париже, находя жизнь в нем чересчур тревожной и неподходящей для пожилого человека, так что шотландский философ без сожаления променял впоследствии блестящий парижский свет на скромный кружок своих эдинбургских друзей; но антипатия, вернее, какая-то ненависть к англичанам и в особенности к жителям Лондона осталась в нем на всю жизнь. Трудно даже объяснить это чувство; отчасти оно могло быть вызвано обидой, затаенной, но не забытой самолюбивым автором после плохого приема его сочинений; но несомненно, что значительная доля горечи в данном случае должна быть отнесена к провинциализму Юма, к тому, что он и воспитывался, и жил в условиях простых, свободных от тех приличий и стеснений, которыми так изобилует кодекс лондонской светскости. Вот почему он всегда неловко чувствовал себя среди жителей английской столицы и почему, наоборот, ему пришлось по душе свобода и непринужденность в обращении парижан.

В 1765 году Юм был наконец утвержден секретарем посольства и вслед за тем заменял даже посланника, так как лорд Гертфорд получил другое назначение и уехал в Англию. Искренне полюбив своего секретаря и оценив его способности, бывший посланник выхлопотал ему место очень выгодное и очень спокойное; но к чести своей Юм наотрез отказался от принятия подобной синекуры, “отзывающейся жадностью и хищничеством”. Пробыв в Париже до начала 1766 года, Юм уехал на родину, которую уже не покидал до самой смерти.

Нельзя обойти молчанием эпизод, относящийся к описываемому нами времени в жизни Юма, именно его знакомство с Жан-Жаком Руссо. Еще в 1761 году лорд Маршалль, встретившись с Руссо в Невшателе, посоветовал ему переменить место его изгнания на Англию и просил Юма принять участие в бедном эмигранте.: Госпожа Буффле со своей стороны писала Юму о Руссо как о человеке замечательном. Следуя этим просьбам, равно как и побуждению собственного доброго сердца, Юм написал Руссо, радушно приглашая его в свое отечество и предлагая ему приют у себя. Но переезд Руссо в Англию

совершился лишь через несколько лет. В 1766 году Юм познакомился с Руссо во Франции и, уезжая оттуда по окончании своей службы в посольстве, увез с собой французского философа. Первое время Юм был совсем очарован своим новым другом и сравнивал его с Сократом, находя при этом, что Руссо еще более гениален, чем древнегреческий философ. В феврале 1766 года Юм писал своему брату: “Руссо самый скромный, кроткий, благовоспитанный, великодушный и сердечный человек, какого я когда-либо встречал в моей жизни”. Далее он характеризовал Руссо как самого замечательного человека в мире и прибавлял, что “очень любит его”. Но скоро Юм понял, с кем имеет дело. При несомненной талантливости Руссо далеко не был ни скромным, ни благовоспитанным, ни великодушным человеком. Станным образом в нем сочетались оригинальность ума и вспышки настоящего безумия, блестящие способности и мелочное тщеславие, тонкая проницательность и напыщенная высокомерность взглядов. Все это далеко не соответствовало идеальному представлению о нем Юма.

По приезде в Англию Юм принялся хлопотать об устройстве приюта для своего нового друга и наконец нашел ему убежище в одном из городов Дербишира. Недолго, однако, довольствовался Руссо предоставленными ему удобствами и покоем. В сущности, он искал в Англии не мирного уединения, а славы, торжественного приема, возможности стать героем дня. Убедившись наконец, что все это тщетные, неосуществимые надежды, Руссо со всей запальчивостью раздражительного человека напал на Юма, этого виновника его неудачного переселения в Англию. Руссо обвинял Юма и во враждебном к нему отношении, и даже в заговоре с другими лицами, будто бы составленном с целью разорения незащитного эмигранта. Юм с удивительным терпением переносил все эти выходки тщеславного француза, считая его скорее ненормальным, чем негодным человеком. Позднее Руссо делал попытку слабого оправдания, но какую? Вместо искреннего раскаяния в своем поведении он объяснял его влиянием туманного климата Англии. Так печально окончилась дружба этих двух мыслителей, бывших слишком различными и по темпераменту, и по убеждениям, чтобы рано или поздно между ними не произошло столкновения и даже полного разрыва. Но нельзя не признать, что лучшая роль в этой грустной истории выпала на долю добродушного, рассудительного, честного и устойчивого в своих симпатиях шотландца, а худшая – на долю тщеславного, раздражительного и взбалмошного француза.

По возвращении Юма из Франции его ожидало новое

приглашение на видный административный пост в Лондоне: философу было предложено место помощника государственного секретаря Шотландии. Около двух лет прослужил Юм в этой новой должности, с которой были связаны не особенно обременительные обязанности. Вот что писал он об этих занятиях: “Мой образ жизни очень однообразен, но вовсе не неприятен. От десяти до трех часов я бываю в секретариате; в это время получают депеши, сообщающие мне все тайны не только нашего королевства, но и Европы, Азии, Африки и Америки. Спешных дел у меня почти не бывает, и я всегда имею достаточно свободного времени для того, чтобы взяться за книгу, написать письмо или поболтать с навестившим меня другом; наконец, начиная с обеда и до самой ночи, я полный хозяин своего времени. Если вы прибавите к этому, что лицо, с которым мне приходится главным образом, если не исключительно, иметь дело,— человек самый рассудительный, мягкий и благородный, какого только можно себе представить, то вы поймете, конечно, что у меня нет повода жаловаться. Тем не менее, я не буду жалеть, когда эта служба придет к концу, потому что мое высшее счастье, мое полное удовлетворение состоит в том, чтобы читать, гулять, мечтать, думать”.

Служба Юма скоро пришла к концу, и в 1769 году мы видим его снова в Эдинбурге, счастливого своим возвращением на родину и намеревающегося провести остаток жизни в спокойном и приятном довольстве, пользуясь всеми благами, которые могло ему доставить значительное состояние (десять тысяч руб. годового дохода), приобретенное им к этому времени. Поселившись в Эдинбурге и окончательно решив дожить здесь до самой смерти, Юм занялся постройкой для себя дома по своему вкусу. Здание это было воздвигнуто в едва застраиваемой части города и оказалось как раз в начале новой улицы; одна остроумная эдинбургская барышня начертала на доме Юма слова: “улица св. Дэвида”; таким образом была окрещена эта до тех пор безымянная улица. Говорят, что когда служанка Юма жаловалась своему господину на эту проделку ветреной мисс, то философ ответил: “Не беда, моя милая, в прежнее время многих хороших людей делали святыми”. В продолжение следующих шести лет дом на улице св. Дэвида служил центром единения самого изысканного и блестящего Эдинбургского общества. Если мы вспомним, что членами этого кружка были, между прочим, Адам Смит, Гильберт Эллиот, Мекензи, Генри Гом и другие истинные и просвещенные друзья знаменитого шотландского философа, то нам станет понятным, почему он без сожаления вспоминал о более блестящих, но менее тесных и дружных кружках Лондона и

Парижа.

Тихо, но в то же время радостно протекали последние годы жизни Юма, и незаметно подкралась к нему смертельная болезнь. В 1775 году философ почувствовал, что его здоровье сильно пошатнулось и что от овладевшего им недуга ему уже не избавиться. С полным самообладанием принялся он за те дела, которыми должен был закончить свои земные расчеты. Прежде всего Юм написал духовное завещание, которым главную часть своего состояния (шестьдесят тысяч руб.) отказывал брату, сестре и племянникам; кроме того, он оставил значительные суммы своим друзьям: Адаму Смиту, Фергюсону и Д'Аламберу; Адама Смита он назначил своим литературным душеприказчиком, поручив ему издать “Диалоги о естественной религии”. Покончив с завещанием, Юм принялся за осуществление своего давнишнего намерения – за автобиографию. Любопытный документ вышел на этот раз из-под пера философа: это произведение носит на себе печать такой объективности, какую вряд ли можно встретить в сообщении автора о самом себе. Юм все время ограничивается строгой и очень сжатой передачей фактов, изредка лаконически объясняя их смысл; но о чувствах, о лирических отступлениях, – словом, о чем-либо исключительно субъективном нет и помина во всем этом произведении. Юму кажется даже непростительной претензией и тщеславием самое желание писать свою автобиографию, и он в самом начале объясняет читателям причины, вызвавшие ее появление на свет. “Трудно говорить о себе долгое время без хвастовства, поэтому я описываю свою жизнь только вкратце. Правда, можно принять за известного рода тщеславие самое намерение писать свою автобиографию, но эта повесть будет содержать в себе не что иное, как историю моих писаний. В самом деле, почти вся жизнь моя прошла в научных трудах и занятиях”. Как сказался в этом Юм, считавший высшим интересом и главной целью своей жизни именно служение науке! Только потому и отваживается он рассказывать *вкратце* о себе, что все его силы, вся жизнь были посвящены тем научным занятиям, плоды которых достаются обществу, составляют его собственность, и потом “история писаний” Юма, по мнению самого автора, имеет интерес и для современников, и для потомства. Есть что-то трогательное и величественное в этом рассуждении замечательного мыслителя, который сознательно затеняет личное я, выставляя на всеобщий обзор свой крупный вклад в науку, да и это делает лишь потому, что ясно понимает всю пользу, какую принесет обществу напоминание о замечательных философских и литературных трудах умирающего писателя.

Не менее интересен и характерен конец юмовой автобиографии, представляющий самое рассудительное и философски спокойное прощание с жизнью, какое когда-либо было доверено бумаге. “Несмотря на очевидное изнурение всего моего организма,— пишет Юм,— никогда, ни на одну минуту не чувствовал я уныния в душе своей; таким образом, если бы мне надлежало сказать, какое время я считаю за лучшее в моей жизни, то я указал бы именно на этот последний период... В самом деле, никогда не испытывал я большего жара в занятиях, ни большей веселости в приятном мне обществе. Тем не менее, я нахожу, что человек, умирающий шестидесяти пяти лет, только освобождается от нескольких лет дряхлости; и хотя по некоторым обстоятельствам я мог бы надеяться, что увижу ученую славу свою в большем блеске, чем это было до сих пор, но зато я знаю, что недолго пользовался бы этим счастьем, почему и трудно найти человека, который был бы привязан к жизни меньше меня”.

Между тем недуг Юма усиливался, и эдинбургские врачи решили, что ему следует переменить образ жизни и испытать действие минеральных вод. Юм послушался этого совета и отправился в местечко Бад (Bath), лежащее недалеко от Лондона и славящееся целебными источниками. Однако лечение не помогло, и в июне 1776 года Юм писал из Бада: “Через несколько дней я уезжаю отсюда, так как воды не принесли мне облегчения... Настоящая причина моей болезни теперь открыта — это моя печень”. Вскоре Юм вернулся в Эдинбург, собрал в последний раз своих лучших друзей к себе на вечер и написал брату следующее письмо: “Дорогой брат, доктор Блэк сказал мне с сожалением,— как и подобает человеку чувствительному,— что я скоро умру; это не было для меня неприятною новостью”. Адам Смит и доктора Келен и Блэк свидетельствуют, что Юм говорил о смерти спокойно, даже весело и не обнаруживал ни малейшего нетерпения или ропота. Юм скончался 25 августа 1776 года, а несколько дней спустя его тело, сопровождаемое громадной толпой, привлеченной отчасти любопытством, отчасти глубокой симпатией к покойному, было похоронено на старом кладбище, расположенном по южному склону холма, с вершины которого открывается замечательный вид на Эдинбург и его окрестности. На востоке протекает река Форт, дальше, за ней синеют хребты шотландских гор. С запада выступают смелые очертания скалы Кэстль со старой частью Эдинбурга, а к подножию холма из лабиринта тесных улиц доносится глухой шум — запечатленная в звуках жизнь деятельного городского населения. Почувствовав приближение смерти, Юм сам выбрал это кладбище как место своего погребения; вряд ли его выбор был случайным. Нам

кажутся справедливыми догадки Гексли о том, что гениальный философ и историк намеренно избрал для вечного успокоения то место, где так удивительно сближены и соотнесены царство природы и царство человека, составляющие нечто единое – весь здешний мир, в котором все подчинено одним и тем же законам и все в своей сущности остается тайной, несмотря на смелые попытки человеческого ума проникнуть в нее.

На своей могильной плите Юм завещал сделать следующую надпись: *“Дэвид Юм. Родился 26 апреля 1711 года, умер 25 августа 1776 года”*. *“Предоставляю потомству, – сказал он, – прибавить остальное”*. *Замечательный мыслитель и безупречно нравственный человек*,— вот как дополнили бы мы скромную эпитафию на памятнике великого шотландца.

Влияние Локка, Бэкона, древних скептиков и Ньютона на философию Юма. – Учение Юма о происхождении познания. – Этика Юма. – Его политико-экономические взгляды. – Характеристика исторических трудов Юма. – Характеристика личности Юма

В XVII и особенно XVIII веке одним из любимейших философских вопросов был вопрос о происхождении идей, а затем о происхождении и значении познания. Много потрудился над разрешением этих важных вопросов англичанин Локк, живший с 1632 по 1704 год. В своем главном сочинении “Опыт о человеческом уме” (“An Essay consenting Human Understanding”) он делает попытку расследовать начало человеческого познания. Приведем вкратце суть этих рассуждений, так как лишь после ознакомления с учением Локка нам станут понятны причины, вызвавшие появление философской доктрины Юма.

Локк утверждал, что ум сам по себе бессодержателен, подобно пустой комнате; все, чем он обладает, это способность получать впечатления от внешнего мира; таким образом, наша жизнь начинается с ощущений. Медленно, вследствие продолжительного воздействия ощущений, мы научаемся относить их к внешним предметам и принимать эти предметы за причины самих впечатлений. Следовательно, все наши познания происходят из ощущений; врожденных же представлений вовсе не существует. Собственно говоря, по учению Локка есть два непосредственных источника приобретения познания: ощущение, или чувственное восприятие, и рефлексия, или внутреннее восприятие; в первом случае мы постигаем внешние предметы посредством внешних же чувств, то есть посредством чувственных ощущений; во втором случае познание или приобретение идеи есть результат наших внутренних наблюдений над теми ощущениями, которые мы испытываем. Таким образом, идея рефлексии возникает из идеи ощущения, а эта последняя происходит непосредственно из ощущения. Локк выразил это следующими словами: “В уме не может появиться ни одной идеи до тех пор, пока ощущения не внесут ее туда”. Идеи могут быть простыми или сложными; одни из простых идей, например идеи цвета, запаха, вводятся в ум одним чувством; другие, например идея протяженности, – несколькими чувствами; одни, например идеи мышления, хотения, приобретаются нами единственно путем рефлексии; другие, например идея силы, – путем соединения ощущения с рефлексией. Эти простые материалы

познания могут вступать в бесконечно разнообразные соединения между собою, тогда образуются сложные идеи, которые подразделяются на три класса: видоизменения (модусы), субстанции и отношения. Для философа особенно важно то, как разъясняет Локк идею субстанции; он говорит: “Не будучи в состоянии представить, как могут простые идеи существовать сами по себе, мы привыкаем предполагать известный субстрат, в котором они существуют и который поэтому мы называем субстанцией”. Эта субстанция, по учению Локка, находится вне нас, но сущность ее нам неизвестна. Допущение этого самостоятельного предметного значения субстанции есть большая непоследовательность со стороны Локка, вносящая раздвоение в его теорию происхождения идей.

Заслуги Локка следует признать особенно важными для эмпирической психологии; уже одно изгнание “врожденных идей” было смелым шагом к тому, чтобы ясно осознать предельность человеческого познания и выбраться из туманных философских понятий прежнего времени. По учению Локка, душа человека, представляющая в раннем его детстве “*tabula rasa*” (чистую доску), воспринимает в течение жизни целые серии впечатлений, как бы оттискивающихся на этой доске. Восприятие этих впечатлений есть процесс, совершающийся без нашего участия; но эта пассивность не послужит ни к чему, если мы захотим понять полученное впечатление, истолковать его или запомнить. Тут уже необходимо активное упражнение ума. Если же мы не сделаем этого усилия, то наше познание будет вполне хаотично.

Из краткого изложения доктрины Локка о познании видно, какое огромное значение имеет для нее опыт: основываясь на нем, человек начинает понимать, откуда исходят те ощущения, которые своим влиянием на него создают весь его внутренний мир познаний; вот почему учение Локка называют *эмпиризмом*, а его психологию – *эмпирической*.

Юм унаследовал от Локка это опытное направление философии, но развил его с большей полнотой и последовательностью, устранив противоречия своего предшественника и досказав его мысли, недоговоренные до конца. Не следует забывать, однако, что если Юма и называют непосредственным продолжателем учения Локка и как бы его духовным сыном, все же и другие предшественники шотландского философа имели на него несомненное и большое влияние. Великий Бэкон своим введением экспериментального метода в область естествоведения подал Юму мысль приложить этот метод и в сфере умозрительных наук. Вот почему Юм еще с юности своей и думает, и говорит о необходимости изучать природу

человека; вот почему он основывает свою философию на психологии и утверждает, что все исследования процессов мышления должны совершаться по тем же правилам, которые соблюдаются при исследованиях чисто физических. Только при этом условии, по мнению Юма, можно и в нравственной философии достичь результатов таких же точных и стойких, как и выводы, относящиеся к философии природы. Само заглавие первого философского труда Юма (“Трактат о человеческой природе, или Попытка ввести экспериментальный метод в вопросы о нравственности”) ясно указывает на то, каким образом намеревался Юм приступить к разрешению предстоящих ему философских проблем.

Вспомним также и тех учителей Юма, которые увлекали его с первых же шагов на пути самообразования, – вспомним древних скептиков. Если, возвращаясь к Локку, мы можем отметить несомненно критическое направление его мысли, выразившееся, между прочим, и в отношении его к Декарту (отношение врожденных идей), то Юм пошел дальше, гораздо дальше своего знаменитого предшественника на пути строгой проверки всякого положения, всякого понятия и в своем отрицании возможности познать сущность и причинность вещей. В этом отношении Юм должен считаться учеником древних скептиков и восстановителем их учения.

Наконец нельзя совершенно обойти молчанием и современника Локка, знаменитого Исаака Ньютона, который особенно вооружался против картезианцев (последователей Декарта) за гипотетичность и бездоказательность их представлений и теорий. Обращаясь к физике, Ньютон восклицает: “Берегитесь метафизики!” и требует, чтобы аналитическое рассмотрение всегда предпосылалось синтетическому. Как много общего у него с Юмом, писавшим о вреде выдумок (гипотез), из которых так любят исходить философы, и начавшим свои ученые занятия именно с анализа, с разбора предшествовавших доктрин для того, чтобы полученные таким образом выводы свести затем в свою собственную теорию.

Итак, вот в общих, крупных чертах материалы, принятые Юмом как духовное наследство от предшественников-философов; посмотрим же, что и как изменил он в них и чем воспользовался для основания собственных философских принципов.

Юм начинает с того, что совершенно отбрасывает второй источник познания по Локку, то есть рефлексии. Все содержание ума, говорит шотландский философ, состоит из восприятий (perceptions), которые распадаются на два класса: впечатления и идеи. Впечатления суть не что иное, как ощущения, волнения,

даже страсти при первом их появлении в нашей душе; идеи же представляют собою слабые, бледные копии впечатлений; происходят они путем воспоминания и воображения об испытанных нами впечатлениях. Таким образом, впечатления и идеи различаются не по существу своему, а лишь по степени интенсивности, яркости. Оба эти класса восприятий могут быть простыми, если они недоступны разложению на части, или *сложными*, если состоят из нескольких элементов. Идеи всегда происходят от предшествовавших им впечатлений, но при этом они могут воспроизводить эти впечатления с тою же живостью и в том же порядке, какие были присущи самим впечатлениям, — это будут идеи *воспоминания*; или же идеи возобновляют наши впечатления с меньшей живостью и в новом порядке — в этом случае мы имеем дело с идеями *воображения*. Теория эта, на первый взгляд очень простая и ясная, страдает противоречием тому самому опыту, на свидетельство которого опирается; дело в том, что ощущение не существует и не может существовать без субъекта, сознающего это ощущение. *Tabula rasa* Локка не может заменить собою сознания, так как едва начнется сознательная жизнь, оставляющая свои следы на душе человека, и эта душа уже перестанет быть чистой доской. Словом, идеи, происходящие от впечатлений, непременно возбуждают вопрос о том самостоятельном существе, которое воспринимает впечатления и сознательно относится к ним. На этот вопрос Юм не дает ответа. Кроме того, Юм напрасно думал, что отличие идеи от впечатления состоит только в степени ощущения, доставляемого ими; понятия эти различны по существу своему, и если старание Юма не смешивать их можно считать большой заслугой в области психологии, то производство идей от впечатлений составляет заблуждение философа.

После различения и определения элементов познания Юм различает и определяет те законы, посредством которых идеи приводятся в связь между собою и вводятся в ум. Эти начала, или законы ассоциации, суть как бы проявления силы взаимного притяжения между идеями, подобно тому, как законы, открытые Ньютоном, суть выражения притяжения между телами. По Юму, путем наблюдения мы можем установить три таких закона: сходства, смежности (по месту и времени) и причинности. Замечательная критика этого последнего принципа составляет и главную философскую заслугу Юма, и торжество его скептицизма.

Юм первый из философов занялся обсуждением вопроса, откуда происходит понятие причинности, и отнес его прямо к сфере опыта. Вот вкратце суть его рассуждения по этому вопросу.

Никакое исследование данного явления, как бы внимательно и тонко оно ни производилось, не может дать нам уверенности в том, что это явление есть причина других явлений, если только мы не знаем этого из опыта. Никакими априорными рассуждениями не можем мы, например, выяснить, что магнетизм есть причина, производящая приближение железа к магниту, или что тяжесть камня, брошенного вверх, служит причиной его падения на землю. Итак, разум на основании одних логических умозаключений, то есть путем чисто интуитивным, не может объяснить нам идеи причинности. Остается обратиться к опыту; но всякая опытная идея для того, чтобы стать действительной идеей, должна быть копией какого-либо впечатления; путем же наблюдения мы убеждаемся в том, что причина,— сила, производящая явление,— сама по себе не производит на нас никакого впечатления; оно получается лишь тогда, когда эта причина вызывает известное следствие; таким образом, мы получаем *идею опытного следования*, то есть понятие о том, что та или другая причина вызвала известное явление, произведшее на нас известное впечатление. Представим же себе, что целый ряд наблюдений убеждает нас в необходимом следовании одного и того же явления за одной и той же причиной; представим себе, что с неуклонным постоянством опыт обнаруживает перед нами зависимость явления *А* от явления *В*, состоящую в следовании *А* за *В*,— в таком случае в нас постепенно возникнет чувство ожидания явления *А* после явления *В*; чувство это есть не что иное, как впечатление, полученное нами в данном случае от подмеченного однообразия явлений, а копия с этого впечатления и есть та идея причинности, которая при ближайшем рассмотрении оказывается простой *привычкой*. На этой основе и стоит все здание нашего опытного познания.

Можно только удивляться силе аргументации Юма в этом рассуждении; можно только радоваться тому, что могуществом своей гениальной критики он разрушил таинственную связь, воздвигнутую воображением между причиной и следствием. Нисколько не будет преувеличением сказать, что отрицанием идеи причинности Юм создал положительную сторону своей философской системы.

Исходя из основных положений своей теории, Юм последовательно пришел к тому заключению, что бытие Бога и бессмертие души как понятия, лежащие вне сферы опыта, не могут быть доказаны, поэтому религиозные истины знать нельзя; в них можно только верить. Что касается субстанции (то есть бытия неизменного и независимого ни от какого другого бытия), то Юм решительно отрицает ее как нечто такое, о чем мы не

можем получить никакого впечатления. “Мы имеем ясные представления только о впечатлениях,— говорит Юм.— Субстанция есть нечто совершенно отличное от впечатлений; значит, у нас нет никакого познания о субстанции”. Таким образом, Юм отказывается от возможности познать как сущность, так и причину вещей; но нелегко было ему примириться с этими печальными результатами скептической философии. В конце первой книги “Трактата о человеческой природе” Юм красноречиво описывает нам то тяжелое умственное состояние, в котором он находился после окончательной выработки своей философской системы. Приведем несколько выдержек из этого характерного места в сочинении Юма.

“Противоречия и несовершенства человеческого разума так действовали на меня и так разгорячили мой мозг, что я готов отказаться и от рассуждения, и от веры, ибо ни одно мнение я не могу считать даже более вероятным или правдоподобным, чем другое. Где я? Что я? Каким причинам обязан я своим существованием и в какие условия буду возвращен?.. Что за существа окружают меня; на кого имею я влияние, и кто влияет на меня? Все эти вопросы смущают меня, и я начинаю представлять себя помещенным в самые плачевные условия, какие только можно вообразить, окруженным густым мраком и лишенным употребления моих членов и способностей... Я обедаю, играю в триктрак, разговариваю и развлекаюсь со своими друзьями, но когда после трех-четырех часов такого отдыха я хочу вернуться к своим размышлениям, то они кажутся мне такими холодными, насильственными и странными, что у меня решительно не лежит сердце к тому, чтобы снова заняться ими”.

Далее Юм говорит, что ему предназначено жить, говорить, действовать, подобно другим людям; но что если он и должен быть таким же безумцем, каковы те, кто о чем-либо размышляет или чему-либо верит, то по крайней мере его безумства будут приятны и естественны. “С сожалением думаю я о том,— продолжает Юм,— что одно мне нравится, а другое — нет; что одну вещь я нахожу прекрасной, а другую безобразной; что я произношу свои решения над истинным и ложным,— все это без знания *тех принципов, от которых отпавляюсь*”. В заключение Юм прибавляет: “Истинный скептик так же недоверчиво относится к своим сомнениям, как и к философским убеждениям”.

Приведенные слова Юма красноречивее всяких объяснений говорят о том, что и у этого философа-скептика, несмотря на всю его рассудительность, на силу его критического отношения к человеческим способностям, несмотря, наконец, на стремление

указать мысли те пределы, преступать которые она не может, если не хочет витать в сфере бездоказательных выдумок, все же является порыв узнать непостижимое, не поддающееся никакому опыту, не проявляющееся никакими впечатлениями и составляющее то загадочное “начало всех действий”, к познанию которого стремятся мыслители всех эпох и направлений. Тщетность и невыполнимость этих желаний ясны для Юма как нельзя более, и вследствие этой неудовлетворенности спокойствие, бесстрастность и беспристрастие покидают рассудительного философа, по временам думающего, что лучше вовсе не рассуждать, если не знаешь тех принципов, от которых приходится отпираться. Такие тяжелые минуты, такое подавленное состояние духа переживал этот мыслитель, которого принято считать холодным скептиком, почти нигилистом, отрицавшим все ради самого наслаждения разрушать и уничтожать. Скептицизм Юма несомненен, но не следует забывать, что если его философия и была составлена главным образом из отрицаний, то это были отрицания не только последовательные, но и плодотворные: у таких оппонентов Юма, каким был, например, Кант, они вызвали великие догматические утверждения. Вот почему на философию Юма нельзя смотреть лишь как на любопытное явление в истории человеческой мысли; его доктрина представляет собою один из тех решительных моментов, один из тех кризисов, которые переживаются мыслью на пути ее эволюции. Можно себе представить, как тяжела была работа, выпавшая на долю того мыслителя, который был выразителем этого кризиса и охарактеризовал его своим методом и направлением. Но Юм был не из тех, что отступают перед трудностями и неприятностями; он поставил своей задачей контролировать мысль, постоянно обсуждать ее и доказывать, чтобы этим путем прийти к знанию. Хотя Юм и сознается, что этого рода исследования очень трудны и утомительны, но прибавляет, что есть такие натуры, которые обладают достаточно сильным умом, чтобы вынести то, что было бы непосильной тяжестью для большинства людей. С какой же целью, однако, несут они эти труды? Юм отвечает на это так: “Мрак противен уму не меньше, чем зрению; ничто не может доставить нам такого наслаждения, как возможность превратить мрак в свет, каких бы трудов это ни стоило”.

Автор приведенных слов был именно той сильной натурой, которая способна вынести невероятные труды, лишь бы идти все вперед, лишь бы овладевать знанием, превращая мрак в свет. Это бескорыстную любовь к истине, к свету правды и имели мы в виду, когда во введении сравнивали Юма с древними скептиками,

оттеняя большее философское значение первого.

Обратимся теперь к этической стороне учения Юма, которое содержится отчасти в третьей книге его “Трактата”, но главным образом в “Исследовании принципов нравственности”, по мнению Юма, лучшем из всех его сочинений. Интересно, что в сфере нравственности Юм все основывает на чувстве. Разум, мышление сами по себе не могут быть источниками поступков; они лишь дают нам суждение об истинном и ложном, лишь научают нас тому, вредны или полезны наши поступки; сами же деяния людей вызываются чувствами удовольствия и неудовольствия. На вопрос: почему те или другие поступки нравятся?– Юм отвечает, что они нравятся нам, потому что полезны, и притом полезны не только нам лично, но человечеству в широком смысле; другими словами, нравятся те поступки, которые ведут к общему благосостоянию. С этой утилитарной точки зрения продолжает Юм трактовать нравственность, рассматривая и обсуждая человеческое поведение путем того же холодного анализа, с которым он приступал к вопросам о происхождении познания или о наших отношениях к внешнему миру; можно сказать, что для Юма этика была своего рода естественной историей. Добродетель в глазах Юма ценна лишь постольку, поскольку она способствует счастью людей, да и вообще “во всех определениях нравственности главным образом следует иметь в виду общественную пользу”. Далее, в главе “О справедливости” Юм опять-таки утверждает, что “общественная польза есть единственный источник справедливости”. Он предполагает такое положение вещей, при котором каждый без всякого труда получал бы то, чего он желал или в чем нуждался. Тогда у людей не будет никакого чувства собственности, не будет ни моего, ни твоего, а “справедливость окажется пустой церемонией и не будет занимать места в списке добродетелей”. Следовательно, справедливость есть, так сказать, искусственное произведение, в котором, при известном положении вещей, нет никакой нужды. Но должно же быть какое-либо естественное чувство, заставляющее нас предпочитать полезные стремления вредным. Такое чувство есть симпатия, то есть любовь к ближним; она внушает нам радость при виде счастья людей и горе при виде их страданий. Симпатия порождает бескорыстное одобрение того, что содействует не нашему, а чужому благу, и – неодобрение противоположного. Вот почему невозможно один только эгоизм сделать принципом нравственного. Надо прибавить, впрочем, что значение Юма как моралиста далеко не равняется его значению как исследователя в области мысли. Размышления его о страстях и о нравственности представляют собою довольно поверхностный

эскиз, в котором больше, чем где-либо чувствуется недостаточность познаний Юма в области психологии.

Громадную услугу оказал Юм политической экономии, впервые возбудив интерес к ее вопросам и попытавшись разрешить их. Его “Политические речи” считаются колыбелью политической экономии, и не даром: Адам Смит заимствовал из них многое для своего знаменитого сочинения “Богатство народов”. В своих политико-экономических рассуждениях Юм часто опирался на *опыт*, вынесенный им из его практики в качестве администратора и государственного человека, что, конечно, только увеличивает значение его писательских трудов.

В нескольких опытах, посвященных экономическим вопросам, Юм ведет рассуждения со свойственной ему логичностью и ясностью. Он никогда не обольщался софизмами и предрассудками сторонников меркантильной теории. Он обладал слишком возвышенной точкой зрения и слишком большой проницательностью, чтобы не избежать тех промахов, которые так свойственны заурядным дельцам коммерческого мира. Юм ясно понимал и превосходно излагал ту мысль, что торговля есть не что иное, как деловые сношения между различными классами и группами населения и различными округами, поставленными перед необходимостью удовлетворять взаимные нужды. Эти принципы приложимы не только к отдельным провинциям одной и той же страны, но и к разным национальностям и государствам. Меркантильная теория, ставящая своей вожделенной целью накопление денег, в сущности, стремится к такому же недостижимому результату, каким было бы, например, намерение поднять воду выше ее нормального уровня. Исходя из этих принципов, Юм строго осуждал учреждение таможен и пошлин, которыми все европейские государства, не исключая и Англии, поощряют местную промышленность вследствие чересчур сильного желания копить деньги и вследствие неосновательного опасения уронить их ценность. По мнению Юма, если что-нибудь и может разорить нас, это именно подобные затеи. Ничего, кроме зла, не выходит из того порядка вещей, благодаря которому соседние народы лишены возможности свободного сообщения и обмена, столь необходимых для местностей с различной почвой, климатом и другими природными условиями. Он доказывает далее, что все эти стеснения проистекают из очень неблагоприятной ревности народов друг к другу, и отваживается признать, что, не только как человек, но и как подданный Великобритании, он молится о процветании торговли в Германии, Испании, Италии и Франции. Политико-экономические взгляды Юма в свое время имели большое влияние на

государственных деятелей Англии, между прочим, на знаменитого Вильяма Питта (младшего). К счастью, практическое направление и деловитость соотечественников Юма не допустили их до крайних увлечений политическими убеждениями философа, вследствие чего его экономическая доктрина подверглась необходимым изменениям и затем уже возродилась в знаменитом учении Адама Смита.

Исторические взгляды Юма признаются, говоря вообще, односторонними; главное убеждение, которым он был проникнут, когда писал свою историю, было следующее: “мир – сцена, а люди – актеры”. Обязанностью историка он считал повествование обо всем, что проявляет себя видимым образом, то есть о внешней стороне жизни. Иногда после поверхностного изучения он создавал себе понятие о том или другом историческом лице, выводя из первого *впечатления идею* о нем, и затем, вместо того чтобы изменить свою идею, озарив ее светом других повествований, добытых из различных источников, он принимался истолковывать все действия данного лица соответственно своему первому впечатлению. Другими словами, в “Истории Англии” Юм является скорее адвокатом своих философских взглядов, нежели ученым, имеющим дело с фактами и событиями. К некоторым типам Юм относится с особенной антипатией; так, например, он ненавидел фанатиков всех веков и очень резко осуждал их; точно так же отрицательно относился он и к борьбе народа за свободу, предпочитая лояльное повиновение существующей власти. Быть может, раннее отвращение от юриспруденции и малое знакомство с нею были причиной того, что у Юма выработался такой взгляд на историческое развитие законов и конституционных учреждений его родины.

Что касается более внешних качеств “Истории” Юма, то они несомненно блестящи и были главной причиной того успеха, который эта книга имела и в Англии, и за границей. Стиль Юма превосходен: ясное и живое изложение, представляющее картинные описания, блещет остроумными характеристиками и многими интересными комментариями. Этими достоинствами своего исторического труда Юм сильно подкупал современников в свою пользу. Гельвеций восхищался философским духом и беспристрастностью шотландского историка и уговаривал Юма привести в исполнение оставленную им мысль написать историю церкви. “Сюжет достоин такого автора, и автор достоин такого сюжета”, – писал Гельвеций. Такого же высокого мнения об “Истории” Юма был и Д'Аламбер.

В заключение прибавим, что если юмова “История Англии” теперь мало читается благодаря тому, что по интересу и верности

взглядов она уступает другим, более новым сочинениям, все же книга эта навсегда останется замечательным литературным памятником и превосходной иллюстрацией философских мнений и тенденций Юма.

Наследие, оставленное Юмом в области философии, настолько значительно и важно, что знаменитый шотландский философ имеет все права на внимание и интерес к нему со стороны нас, людей XIX века. Своим скептическим методом, своим старанием все проверить, обосновать и доказать, Юм создал настоящий переворот в умозрительных науках и положил начало новой философской школе, которая до сих пор в рядах своих последователей насчитывает великие имена самых выдающихся философов и психологов. Для подтверждения сказанного достаточно упомянуть Джона Стюарта Милля, Бэна, Герберта Спенсера, так называемых сенсуалистов – в Англии; представителей позитивизма Огюста Конта, Литтре и Лаффита – во Франции; наконец, Канта, этого творца критического метода, – в Германии. Правда, “великого кенигсбергского мудреца” (Канта) считают обыкновенно противником Юма благодаря тому, что он опровергал теорию причинности, установленную шотландским философом; но несомненно и то, что как содержание, так и метод изложения юмовой философии побудили Канта к созданию его доктрины; мало того, в учениях обоих философов можно найти много общего. Сама цель главного сочинения Канта “Критика чистого разума” по существу своему та же, что и цель юмова “Трактата о человеческой природе”. Критицизм Канта и скептицизм Юма, расходясь в частности, сходятся в главном – в стремлении указать предельность нашего познания в том мире явлений, который открывается нам путем опыта. Разве не ясен отголосок самых заветных мыслей Юма в следующих, например, словах Канта: “Величайшая и, быть может, единственная польза всякой философии чистого разума есть польза исключительно отрицательная, так как эта философия представляет собою орудие не для расширения познания, но для его ограничения; вместо того чтобы открывать истины, она довольствуется скромной заслугой предупреждать заблуждения” (*Kant. “Kritik der reinen Vernunft”*).

Легко ли довольствоваться такой ролью судьи и критика, неуклонно обнаруживающего все красивые самообольщения людей и предостерегающего их от дальнейших вредных мечтаний – это другой вопрос. Мы уже приводили из “Трактата” Юма те горячие строки, в которых юный философ жалуется на невозможность успокоить чем-нибудь положительным свой ум, разгоряченный и измученный необходимостью только

опровергать и отрицать... Видеть вещи в их истинном свете, разрушать иллюзии, не быть способным к головокружительным увлечениям, возносящим нас за пределы возможного,— все это в высшей степени полезно и плодотворно, но недешево и обходятся эти драгоценные качества тем, кто вырабатывает в себе такое критическое отношение к окружающему миру. Юм, по самой природе своей спокойный, прозаический, любознательный, проницательный, последовательный и правдивый, подходил как нельзя более на роль исследователя мысли, во все вникающего и ничем не увлекающегося. По свойствам ума своего он был не из числа тех, которые говорят о себе: “Тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман”. Обман, ложь были для него тем мраком, который “противен уму, равно как и зрению”. Для умственного просветления своего и своих близких работал Юм всю жизнь и создал себе незабвенную характеристику, превосходно выраженную следующими словами Адама Смита: “Вообще как во время его жизни, так и после смерти, он представляется мне личностью настолько приблизившейся к идеалу истинно мудрого и добродетельного человека, насколько это возможно для слабой человеческой природы”.

Если задача критика состоит в том, чтобы понять и затем объяснить читателям разбираемое им литературное произведение, то про биографа можно сказать, что существенную часть его труда должно быть старание вполне уяснить себе нравственный облик описываемого им деятеля и ответить на вопрос: почему именно теми, а не другими стремлениями и трудами характеризовалась жизнь его. Тогда в глазах читателей все духовное наследие, оставленное нам великим человеком, примет характер чего-то неизбежного, разумного и понятного, а не случайного и вызывающего лишь крайнее изумление; тогда и к самому биографу возникнет большее доверие, а к его словам и оценкам — больший интерес, чем в том случае, когда он ставит точку там, где кончается изложение добытых им фактов, и воздерживается от комментирования их.

Вот почему нам хотелось бы сделать посильную попытку объяснения того, что за тип имеем мы в лице Дэвида Юма, тем более что его деятельность, проникнутая очень определенным и цельным характером, обуславливалась его темпераментом, склонностями, вкусами,— всем, что называется духовной природой человека.

Нам уже приходилось упоминать о том досадном пробеле, который встречает биографа, обращающегося к детским годам и первоначальному воспитанию Юма; таким образом, обходя молчанием первые жизненные впечатления и условия развития

ребенка Дэви, мы прямо переходим к тому юноше, углубленному в свои размышления и страстно преданному книжным занятиям, каким Юм был в шестнадцать-семнадцать лет. Станный и в то же время простой это был тип! Всего более I поражают в юном Дэвиде сухая рассудительность не по летам, желание мыслить, а не мечтать, порывы к философии, а не к поэзии, наконец, такая неспособность увлекаться, восхищаться и любоваться, что эта черта доводила Юма до полного равнодушия ко “сему прекрасному. Пусть это будет недостатком, пусть такую натуру называют неблагодарною и жалкою в эстетическом отношении, зато энергичный, сильный темперамент тем ярче, тем заметнее проявил себя в другой сфере. Юм не был способен к работе воображения, которое, зачастую едва цепляясь за действительность, затем возносится над ней и в результате создает что-либо прекрасное, но порою лишнее, обманчивое и потому вредное. Не к тому направлял Дэвида его пытливый ум: действительность была для него прежде всего предметом изучения; ему все хотелось разобрать, понять, доказать, прочно обосновать, и потому – вещь замечательная – в семнадцати-восемнадцатилетнем возрасте он протестует против гипотез и выдумок, слишком часто фигурирующих в сфере науки. Будь Юм малоодаренным, дюжинным человеком, холодность его темперамента, отсутствие фантазии и эстетических склонностей казались бы проявлением вялости, безличности и полной неинтересности субъекта. Но в оригинальной и сильной натуре будущего философа способности не глохли и не замирали, они лишь приняли необычное для юного возраста направление, с тем чтобы более или менее постоянно держаться этого направления всю жизнь. Не будь Юм так прозаичен, спокойно рассудителен и наблюдателен, вряд ли написал бы он в сравнительно раннем возрасте замечательный философский трактат; не будь он так неспособен обольщаться и восхищаться, не проверяя своих впечатлений, вряд ли мог бы он так последовательно и неуклонно держаться одних и тех же взглядов в течение всей своей жизни, почти исключительно посвященной философским занятиям; наконец, проницательность и наблюдательность Юма сослужили ему великую службу и в его сношениях с людьми. Разве не удивительны, в самом деле, прямота, неуклонная честность, стойкость и прочность симпатий, которыми характеризуются все отношения Юма к близким ему людям. Не восхищаясь без меры, не создавая романических иллюзий в начале знакомства, он тем самым избавлялся от печальных разочарований и сетований впоследствии; исключение составляет лишь его столкновение с Руссо, да и то за шотландского философа говорит в данном

случае исключительная, ослепительно талантливая личность Руссо.

Замечательными нравственными качествами Юма были также его доброта и сердечность. Знакомство с биографией этого мыслителя убеждает нас в том, что он имел сердце, способное глубоко и самоотверженно любить; что он был отзывчив на чужие несчастья и склонен скорее жалеть людей, чем осуждать их. Вспомним его теплый отзыв о матери, его горькое оплакивание ее смерти; вспомним помощь, оказанную бедному слепому поэту; вспомним, наконец, благородное, великодушное отношение к исполненному коварства поступку Руссо. По нашему мнению, многое в этом добродушии и этой несколько наивной сердечности Юма объясняется самой его национальностью. Наш философ был шотландец, уроженец северной гористой местности, с ее тяжелыми условиями сурового климата, с ее неприветливой природой. Странное дело, но именно в таких-то обстоятельствах у людей развивается большая задушевность, мягкость нрава, теплота чувств, вообще то, что называется гуманностью. Наоборот, под ярким солнцем юга, среди богатств и роскоши природы, одаряющей человека не только необходимым, но даже излишним, в душе его гнездятся и развиваются жестокость, необузданность порывов и бессердечие поистине изумительные.

Итак, Юм по своим душевным свойствам представлял лишь типичного сына своей родины. Но он доказал своим примером, что ни книги, ни сочинение ученых трактатов не очерствляют человека, не делают его себялюбивым, тщеславным эгоистом, если только эти качества не присущи ему настолько, что они проявились бы и совершенно независимо от рода его занятий.

Во всем цельном и характерном облике Юма самой возвышенной, самой благотворной чертой следует признать его неуклонное стремление к истине, к тому, что он сам называл светом, неотразимо привлекавшим его и озарявшим всю его деятельность как общественную, так и научную. Ни разу не уклонился Юм от намеченного им пути исследований, ни разу не впал в искушение обмана или самообмана и был одним из тех неизменных служителей идеи великой и строгой, самый образ которых есть драгоценный завет и поучение для потомства.

ИСТОЧНИКИ

1. The philosophical works of *David Hume*. In four volumes. — 1854.
2. *Knight*. Hume. —1886.
3. *Stephen Leslie*. History of English Thought in the Eighteenth century. —1881.
4. *Huxley*. Hume. – 1880.
5. *Renouvier et Pillon*. Psychologie de Hume. – 1878.
6. Жизнь Давида Гумма, описанная им самим. Пер. с англ. Ив. Маркова. —1781.
7. А.А. Козлов. Генезис теории пространства и времени Канта.– 1884.
8. *J.H. Burton*. Life and correspondence of D. Hume. – 1846.